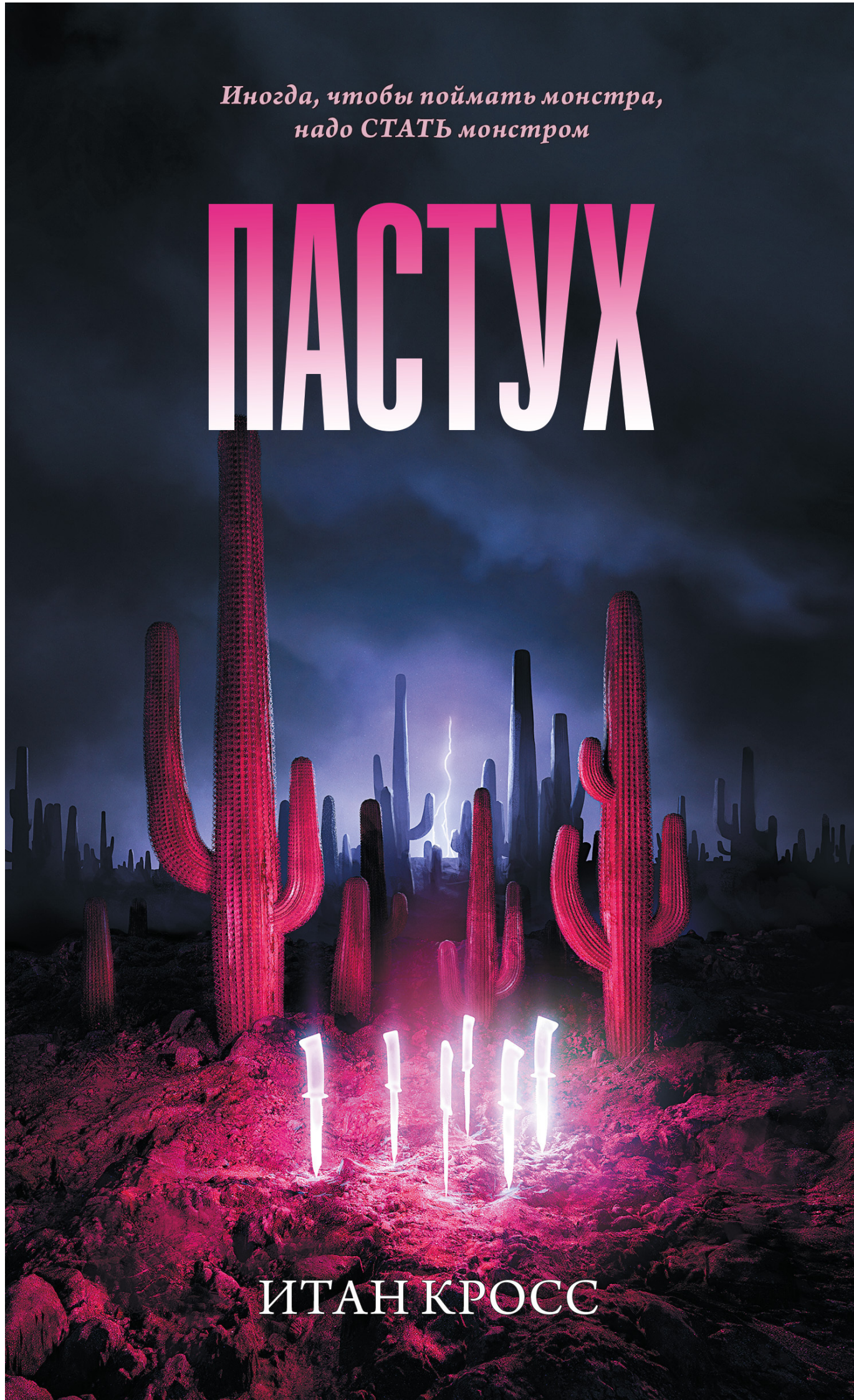

*Иногда, чтобы поймать монстра,
надо СТАТЬ монстром*

ПАСТУХ

ИТАН КРОСС

Neoclassic: Триллер

Итан Кросс

Пастух

«Издательство АСТ»

2011

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кросс И.

Пастух / И. Кросс — «Издательство АСТ», 2011 — (Neoclassic: Триллер)

ISBN 978-5-17-127343-9

Детектив в отставке Маркус Уильямс мечтал о тихой жизни в провинции... но вместо этого вынужден выслеживать Фрэнсиса Акермана – жестокого серийного убийцу, выскальзывающего из любых капканов и никогда не останавливающегося на пути к очередной намеченной жертве. Но порой монстр – далеко не самое страшное. Идя по следу Акермана, Уильямс случайно узнает о тайной организации, цель которой – без суда и следствия расправляться с особо опасными преступниками. Но разве каждый человек, что бы он ни совершил, не имеет права предстать перед судом? И какую роль участники организации уготовили бывшему детективу и серийному убийце?

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-127343-9

© Кросс И., 2011

© Издательство АСТ, 2011

Содержание

От автора	6
Часть первая. Стадо	7
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Итан Кросс Пастух

Ethan Cross
THE SHEPHERD

© Aaron Brown, 2011

© Перевод. И. Моничев, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Моей красавице жене Джине посвящается...

От автора

Прежде всего я хотел бы сказать об огромном множестве людей, которые помогали мне и поддерживали меня как в реализации этого проекта, так и в моей повседневной жизни в целом, – их слишком много, чтобы перечислить здесь всех. В первую очередь это моя чудесная жена Джина, которая терпела мои причуды и поддерживала меня в стремлении к исполнению этой мечты. Я также хотел бы поблагодарить других членов моей семьи за их помощь и слова ободрения, в особенности тех, которые стали моими первыми читателями и редакторами (да, Тереза, я упоминаю твое имя, как и обещал).

Но есть еще и большая группа людей в издательском деле, без которых этот проект невозможно было бы осуществить. Если этот роман окажется хоть сколько-нибудь успешным, это станет в большой степени заслугой моего редактора, издателя и друга Лу Ароники, который помог мне поднять мое творчество на новый, более высокий уровень. Спасибо тебе, Лу, за твое терпение и мудрость!

Огромной благодарности заслуживают также мои агенты Дэнни Баррор и Хедер Баррор – за то, что рискнули связаться с никому не известным автором, а еще мой друг и деловой партнер Стэн Тремблей, который помог познакомить с романом «Пастух» широкий круг читателей.

Большое спасибо редактору рукописи Стивену Манчестеру, который осуществил необходимую шлифовку текста. Еще мне хотелось бы поблагодарить своих коллег-писателей, которые помогли мне встать на литературную стезю и отважно двинуться по ней в путь: Джереми Робинсона, Эндрю Гросса, Эйджея Хартли, Джеймса Скотта Белла, Карен Дионне, Джеймса Роллинса, Трэвиса Трэшера, Эндрю Петерсона, Стивена Джеймса, Д. Б. Хенсона, Джереми Бернса, Брайана Уилера и многих других. Я также хочу выразить свою благодарность Международной ассоциации авторов триллеров. Без МААТа, коллективных наставлений и мудрости ее членов я бы и близко не подошел к осуществлению своей мечты.

Большое спасибо также сотрудникам правоохранительных органов в целом, но в особенности тем, кто оказывал непосредственное содействие моей исследовательской работе, в том числе патрульным из штата Колорадо Тому Кирнсу, Дж. Р. Джонсону, специальному агенту по надзору из АТФ¹ Ричарду Чeko. Спасибо за предоставленные записи Рою Хейзелвуду, Стивену Дж. Мичоду, Джону Дугласу, Марку Олшейкеру, Питеру Вронски, Найджелу Кауторну и многим другим, кто помог мне получить представление о мыслительном процессе убийцы.

Я приношу извинения жителям Ашертона в штате Техас, чей городок я сначала сделал объектом литературного вымысла, а потом поджег.

Еще я хотел бы поблагодарить тех двоих людей, которые поддержали меня, когда я еще только собирался провести бесчисленные часы за работой по созданию этого романа, – и в первую очередь моего друга и собрата по литературному труду Брайана Уилера, заставившего меня поверить в себя и свои способности, а также мою бывшую учительницу Нэнси Ванметер, постоянно твердившую мне: «Продолжай писать».

Я наверняка забыл упомянуть кого-то еще, кто оказал мне ту или иную помощь, поэтому я просто говорю спасибо всем этим незаметным героям. Уверен, те, кого я имею в виду, меня поняли. Не вижу ничего плохого в таком способе выражения благодарности – более того, вероятно, он и является наилучшим.

¹ АТФ – Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ – федеральное агентство Министерства юстиции США. – *Здесь и далее прим. пер.*

Часть первая. Стадо

Глава 1

Джим Морган смотрел, как отражение проблескового маячка патрульной машины пляшет в оконных стеклах расположенной на отшибе заправочной станции. Он напряг зрение, чтобы разглядеть внутренности здания за странными и зловещими тенями. Хотя в сообщении диспетчера упоминалось лишь об обычном ограблении, иррациональный, но всепоглощающий страх по какой-то причине проник на периферию его сознания. Он не смог бы объяснить, что его вызвало – инстинкт полицейского, интуиция, предчувствие, – но знал: что-то здесь не так. Он сделал глубокий вдох, а потом намеренно долгий выдох и, выйдя из автомобиля, не без усилия отогнал неприятное предчувствие.

Джим отметил про себя отсутствие на небе луны. Темнота казалась плотной, непроницаемой и бесконечной за пределами света, исходившего от патрульной машины, и его отражения в окнах заправки. Создавалось впечатление, что он оказался на самом краю мира и во всей вселенной больше ничего не существовало. Стоило ему перевести взгляд на заправку, как предчувствие снова им овладело.

Он не мог установить источник страха, и это еще больше его пугало. Для Джима наилучшей разновидностью страха был тот, у которого не было определения. Поддавшись беспокойству, он решил было позвонить домой, жене Эмили и их дочери, но, посмотрев на часы, передумал. Он не хотел их будить.

Его напарник Том Делейн спросил:

– С тобой все в порядке? Выглядишь так, словно кто-то помочился тебе в миску с кукурузными хлопьями.

– Я в норме. Давай покончим с этим делом. Мне уже давно пора спать, и я просто хочу поскорее вернуться домой.

Озабоченное выражение не исчезло с лица Тома, но он лишь кивнул и пошел к двери заправки. Ни один из них не достал оружие, поскольку из сообщения диспетчера они знали, что грабитель уже покинул место преступления. Тем не менее необходимо было составить положенный в таких случаях рапорт, да и работник заправки, как им показалось, уж очень торопил с помощью.

Когда они вошли, Джим уловил смутный запах чего-то знакомого, но не смог определить, чего именно. Он отогнал дурные мысли и сосредоточился на стоявшей перед ними задаче. Первым делом он оглядел помещение. Стойка с кассой была расположена у дальней стены параллельно двери. За ней сидел мужчина с темными волосами и холодными серыми глазами. Черная футболка плотно натянулась у него на груди, и под ней угадывалась хорошо развитая мускулатура. Мужчина молчал и лишь равнодушно смотрел на полицейских.

Когда их взгляды встретились, Джим инстинктивно переместил руку поближе к пистолету в висевшей на боку кобуре.

– Прекрасная сегодня ночь, не правда ли? – произнес наконец работник заправки. – Темнота просто... давит. Словно имеет вес.

Джим не мог понять логики заявления, в котором давящая темнота ассоциировалась с прекрасной ночью, и не стал бы доверять человеку, в чьем уме эти два понятия сочетались друг с другом. Но смысл высказывания, очевидно, остался не замеченным его напарником. Том лишь вскинул брови и медленно ответил:

– Хорошо. – И, помолчав, спросил: – Это вы сообщили об ограблении?

– Нет, – ответил мужчина. – Я сообщил об убийстве.

Услышав эти слова, Джим почувствовал, как у него перехватило дыхание. Он положил руку на кобуру, но не стал доставать из нее полуавтоматический девятимиллиметровый «глок».

– Кто убит? – спросил Том.

Заправщик не ответил, и, хотя Джим не мог быть в этом уверен, ему показалось, что на лице мужчины мелькнула едва заметная ухмылка. Вместо ответа работник заправки подался вперед и перевел взгляд на один из проходов между полками с товаром. Джим проследил за его взглядом, и открывшаяся перед ним жуткая картина, застигнув его врасплох, обрушилась одновременно на все органы чувств.

Убитый лежал в конце прохода, раздетый догола. Кровь виднелась повсюду. Многочисленные порезы покрывали все его тело, но самые глубокие колотые раны были сосредоточены вокруг сердца, легких и половых органов. Глаза были выколоты.

Без дальнейших колебаний оба полицейских выхватили оружие и нацелили его на странного человека за стойкой. Том сделал шаг вперед и велел:

– Положите обе руки так, чтобы я мог их видеть.

Подозреваемый даже не попытался вынуть руки из-под стойки. Единственным его движением стало появление на лице улыбки или, скорее, зловещей ухмылки, в которой не было ни веселья, ни радости, ни тепла. Она была холодной и заставила Джима почувствовать себя мухой, попавшей в паутину.

Том сделал еще один шаг вперед и повторил приказ, но снова безрезультатно. Теперь он находился на расстоянии не более трех футов от стойки. Джим, наоборот, сделал шаг назад и хотел крикнуть Тому, что тот слишком приблизился к возможному убийце. Но мысль об этом исчезла, как только мужчина за стойкой заговорил спокойным, но в то же время повелительным тоном:

– Вам нравится? Это моя версия убийств, совершенных Андреем Чикатило, ростовским потрошителем из России. Вам, вероятно, о нем ничего не известно. Пока вам рассказывали истории о президентах Линкольне и Вашингтоне, я усваивал уроки, преподанные миру Джеком-потрошителем, Альбертом Фишем, Эдом Гейном и Зодиаком. И это только некоторые из почитаемых мною отцов-основателей. – Убийца быстро переводил взгляд с одного на другого. – Вы, парни, не узнаете меня, верно?

Том закричал с еще большей яростью:

– Мне плевать, кто вы... Просто поднимите обе руки за голову. Немедленно!

Убийца бросил на Тома совершенно невозмутимый взгляд и сказал:

– Вы могли бы проявить ко мне немного больше уважения. В конце концов, я своего рода знаменитость. Моя фамилия Акерман.

Джим почувствовал, как у него снова перехватило дыхание. Едва увидев мужчину, он подумал, что его лицо ему смутно знакомо. Теперь же, когда его мозг лихорадочно заработал, он понял почему. Он видел лицо этого человека по телевизору в двухчасовой специальной программе на одном из новостных телеканалов. Джим постарался вспомнить название программы – что-то вроде «Эксперимента с безумием». Точное название он забыл, но помнил описание самого мужчины и его чудовищных преступлений. В телепередаче показали монстра, которого могла породить лишь фантазия самых изощренных сценаристов Голливуда, но никак не человека из плоти и крови, существовавшего в реальной жизни.

Том снова повторил свой ультиматум, но на этот раз произнес слова мягче, словно уговаривая душевнобольного прекратить сопротивление и сдаться.

– Поднимите свои руки так, чтобы я мог их видеть. Я сосчитаю до трех, а потом...

– На вашем месте я бы не стал совершать поспешных поступков, офицер. Если не будете осторожны, я выстрелю и разнесу моей маленькой заложнице ее хорошенькую мордашку.

– Какой заложнице?

Акерман перевел взгляд с Тома на Джима.

– Той, что сидит под этой стойкой. Мой обрез приставлен к ее правому виску. Я ее как следует изуродую, уж поверьте мне на слово. Мне приходилось такое видеть. Не слишком приятное зрелище. И я прекрасно знаю, о чем вы думаете. Вы считаете, что я блефую. – Он снова повернулся к Тому. – А еще вы думаете, что, даже если я говорю правду, вы сможете всадить мне пулю между глаз до того, как я выстрелю. Но это станет вашей ошибкой. Мой палец лежит на спуске, и как только ваш кусок свинца ударит в меня, мои мышцы среагируют, и ее голова размажется по внутренней части стойки. А потому, джентльмены, мне кажется, что у нас возникло мексиканское противостояние. – Акерман глубоко вдохнул и продолжил своим медоточивым тоном:

– Ну разве не забавно? День у вас обоих начался, как и любой другой. Вы поцеловали на прощание любимых, насладились чашечкой кофе, может, пролистали утреннюю газету, но даже не подозревали, что сегодняшней день станет самым важным в вашей жизни. Сегодня тот день, когда сбудется или разрушится все, о чем вы говорили или что делали, все, за что выступали или во что верили. В какой-то момент нам всем приходится выбирать, стать ли героем, злодеем или отойти в сторону, оставшись одной из овец. Это один из таких моментов, джентльмены.

Я предоставлю вам обоим возможность выбрать. Вы можете сейчас же уйти отсюда и продолжать жить как ни в чем не бывало. Может, за стойкой есть заложница, которую я безжалостно пристрелю, как только вы выйдете в ту дверь, а может, и нет. Вы можете поймать меня и прославиться, а можете умереть при попытке это сделать. Вы ни в чем не можете быть уверены, но в том-то и заключается вся прелесть этой ситуации, верно? Ни в чем нет смысла. Добро не торжествует над злом. Есть только случайность и смерть. Вам не повезло, когда вы ответили на этот вызов. А джентльмену, лежащему в проходе, не повезло сегодня дежурить. Нам всем нравится считать себя чертовски развитыми, гораздо лучше и умнее остальных представителей животного мира. Но знаете что? – Акерман оглядел обоих мужчин так, словно был голодным зверем, а они должны стать его ужином, потом понизил голос. – В конечном счете, какими бы иллюзиями собственного величия мы себя ни ослепляли, мы все либо охотники, либо предмет охоты, либо хищники, либо добыча. Жизнь, джентльмены, – это одна большая игра. Победители выживают, а проигравшие гниют заживо. Выбор, который мы каждый раз делаем, определяет нашу судьбу... Итак, делайте свой выбор.

Джим стоял в напряженной позе, повергнутый в транс безумцем, расположившимся за стойкой. Акерман произнес свою речь со страстью, словно был политическим деятелем, выступавшим перед избирателями и отстаивавшим самые благородные цели. Джим никогда прежде не видел, чтобы человек, на которого были нацелены два пистолета, оставался к этому совершенно равнодушным. Он ничего не боялся. Страх был так же неведом Акерману, как представление о самолете неандертальцу. Более того, этот человек, похоже, считал, что полностью контролирует ситуацию. Несмотря на пистолет в руке, осознание этого заставило Джима почувствовать себя совершенно беззащитным.

Голос Тома стал хриплым, в нем отчетливо слышалась дрожь.

– Нет никакой заложницы, – сказал он. – На заправке нет других машин. Так что поднимите руки, чтобы я их видел, или, клянусь богом, я действительно всажу вам пулю точно между глаз.

Джима заявление Тома не убедило, как не подействовало оно и на Акермана. Он понимал, что Акерман, скорее всего, спрятал свой автомобиль позади заправки, чтобы изобразить заправщика. Если какая-то женщина остановилась здесь, он мог отогнать туда же и ее машину. Нельзя было сбрасывать со счетов и вероятность того, что Акерман привез заложницу в своей машине. Джим не был уверен, упустил ли его напарник из вида подобный сценарий или действия Тома были просто следствием отчаянной попытки положить конец этой ситуации. Как

бы то ни было, она не сработала. Джим понимал: Акерман не позволит всему этому так просто закончиться и устроит настоящий хаос. Он прочитал это в глазах убийцы.

Акерман вздохнул.

– Что ж, милая, они не верят в твое существование. Почему бы тебе не крикнуть специально для них?

При последнем слове Акермана передняя часть стойки словно взорвалась, разметав щепки деревянной шрапнели во все стороны. Пуля, выпущенная из обреза, угодила Тому в левый бок. Брызги крови попали Джиму в лицо, а его напарник упал на покрытый линолеумом пол.

Джим нырнул в ближайший проход между стеллажами. Через секунду второй выстрел разметал выставленные на полке упаковки с чипсами «Доритос». Джим быстро поднялся и дважды выстрелил в сторону стойки, но почти сразу же ответный выстрел заставил его снова спрятаться за стеллажом.

Он слышал, как Том кричал и ругался. *Наверное*, подумал Джим, *он потерял пистолет в этой неразберихе*. А Том от боли, видимо, впал в полубессознательное состояние, поскольку уже не пытался спрятаться. Джим понимал, что напарник не выживет, если он немедленно не прекратит перестрелку и не вызовет подмогу.

– Полицейский ранен. Пришлите медиков, – сказал он в микрофон портативной рации.

Он не стал называть свою фамилию или объяснять, где находится. Рация послала специальный код, распознаваемый диспетчером, а система джи-пи-эс в патрульной машине поможет вспомогательным силам определить его местоположение. Но он знал и другое: если сейчас же ничего не предпринять, к моменту прибытия подкрепления они с Томом будут мертвы.

Он старался полностью сфокусироваться на своей задаче, но не мог заставить себя не думать о жене и дочери. *Увижу ли я их еще раз? увижу ли, как растет дочка?* Он представлял себе, как отбросит золотистые локоны с лица дочери и поцелует ее в лоб. Вспоминал, как сияли от радости ее глаза, когда она сидела у него на коленях, а он читал ей вслух. Он думал о жене, целовавшей его на прощание и просившей быть осторожнее. Вспоминал, как держал ее в объятиях, когда его кожа соприкасалась с ее и он запускал пальцы в ее черные волосы.

Я должен быть сильным. Я обязан вернуться домой, к ним. Он хотел убедить себя, что непременно увидит их снова, но лучше было пока отбросить эти мысли. В тот момент он бы все отдал за единственную возможность их обнять.

Запах пороха, смешавшийся с ароматами жидкостей для стирки и мытья окон, ударил ему в нос, вызвав головокружение. Или причиной этого стал повышенный адреналин в крови? Как бы то ни было, Джим чувствовал себя так, словно попал во вращавшийся барабан стиральной машины. Он попытался взять себя в руки, но испытывал безотчетный ужас и не представлял, что делать дальше.

Он понимал, что погибнет, если бросится к стойке, поэтому решил добраться до конца прохода и, если повезет, застать Акермана врасплох. К тому же чем больше было расстояние между ними, тем большим становилось и преимущество девятимиллиметрового пистолета перед менее точно стреляющим обрезом.

Стараясь двигаться как можно тише, он прошел между полками. Добравшись до противоположного конца стеллажа, осторожно заглянул в параллельный проход. *Чисто*. Метнулся к следующему торцу стеллажей. *Пока все в порядке*.

В маленьком помещении заправочной станции было всего четыре ряда полок с продуктами. А это означало, что если он доберется до очередного торца стеллажей не замеченный Акерманом, то получит отличный вид на укрытие своего противника.

Джим проверил, насколько безопасен следующий проход, и уже собирался быстро переместиться к его началу, когда до него донесся странный тихий звук, исходивший откуда-то с полка. Он не сразу смог определить природу звука, но потом понял, что это, судя по всему,

самопроизвольно распылялась какая-то жидкость из пробитого пулей баллончика. Одновременно стали громче слышны стоны Тома. Раненый полицейский звал на помощь, но его слова были почти неразборчивы.

– У твоего приятеля выдался скверный день, офицер. Он сделал выбор – остаться и бороться, хотя, я полагаю, у вас практически не было других вариантов. Такие дела. Твой партнер оказался прав. У меня не было никакой заложницы. Зато сейчас у меня есть заложник, и ему уже не выбраться отсюда живым. Однако тебе я дам возможность выйти за дверь, сесть в машину и оставить это место, как будто ничего не случилось и тебе всего лишь приснился кошмарный сон. Если же останешься, может, сумеешь остановить меня и спасти друга. Но давай будем честными. Я играю в эту игру гораздо лучше тебя. Если ты задержишься, скорее всего, умрете вы оба. Выбор снова за тобой, офицер.

Джим заскрежетал зубами. Акерман, по всей видимости, хорошо владел ситуацией. Так что шансов подкрасться к сумасшедшему сзади не было. Он знал, что Акерман прав. Никогда прежде он не попадал в подобное положение, и никогда прежде ему не приходилось участвовать в каких-то реальных боевых операциях, если не считать нескольких громких задержаний автомобилей и освобождения заложников, захваченных в придорожном кафе, несколько лет назад. Но тогда он был всего лишь одним из двадцати полицейских, прибывших на место преступления. Он участвовал в расследовании убийств, но ни разу не ввязывался в перестрелку с убийцей. А на счету его противника – многочисленные жертвы, среди которых и представители правоохранительных органов. Убийца победил в перестрелке с ним, перехитрил его, но Джим знал, что никогда не бросит друга в беде.

Том Делейн казался чересчур импульсивным и часто вел себя неразумно, но в последние девять лет он был надежным напарником Джима и его лучшим другом. В тот день, когда Эмили родила, Том пришел к ним, раздавая сигары и светясь улыбкой, словно гордый дядюшка. Том стал единственным человеком, способным утешить Джима после похорон его отца. Напарник помогал ему в самые трудные моменты его жизни, никогда не прося ничего взамен.

– Вернись, чтобы я мог хорошенько тебя разглядеть, и тогда я тебе отвечу, – произнес он без малейшей дрожи в голосе.

– Хорошо, офицер, но только не говори, что я тебя не предупреждал.

Джим никак не отреагировал на эти слова: он уже начал перемещаться – миновал средний проход, низко пригибаясь и стараясь определить местонахождение Акермана по звукам его голоса. Если инстинкт его не подведет, Акерман будет поджидать его у торца третьего ряда полок.

Добравшись до конца прохода, он осторожно выглянул из-за угла, но и теперь не увидел убийцу. Том лежал, распластавшись на полу, всего в нескольких футах от него. Джим медленно высунулся из прохода, но по-прежнему не видел Акермана. Он уже собирался дотянуться до Тома, когда услышал, как чиркнула спичка. В какую-то долю секунды он заметил влажную линию, протянувшуюся от угла стойки к месту, где лежал Том, принюхался и понял, что звук, который он услышал чуть раньше, исходил от баллончика для заправки зажигалок. Прежде чем Джим успел что-то предпринять, из-за стойки показалась рука и уронила спичку на линию, обозначенную жидкостью. Полоса бензина вспыхнула, мелькнула синяя искра, потом огонь приобрел красные и желтые оттенки. В одно мгновение пламя достигло Тома и охватило его.

Отчаянные крики заполнили помещение заправки, отражаясь от стен и оконных стекол. Звуки накладывались друг на друга, сталкиваясь и создавая эффект хора обреченных на смерть. Джим потерял способность мыслить рационально и действовал, подчиняясь только эмоциям. Он выронил пистолет, сдернул с себя куртку и принялся сбивать ею пламя в последней отчаянной попытке спасти друга. Но после нескольких взмахов его куртку тоже охватило красно-желтое пламя, и он бросил ее на линолеум рядом с телом Тома.

Какая-то часть его здравого смысла, оказавшаяся сейчас на задворках сознания, подсказывала, что его друг и многолетний напарник обречен и с этим ничего нельзя поделать, но страх заглушал рассудок. Его собственные крики добавились к какофонии страдания.

Прошла, как ему показалось, целая вечность, прежде чем конвульсии Тома наконец прекратились и осталось только пламя. Запах горелой плоти распространился вокруг Джима, добавляя сумятицы к уже бушевавшему в его голове водовороту мыслей. Смесь ужаса, горя и злости захлестнула его. Он сидел на коленях, оплакивая друга и понимая, что станет следующей жертвой. Уже некоторое время он ощущал у себя за спиной стоявшего в проходе человека с обрезом. Акерман использовал Тома для отвлекающего маневра, и его замысел увенчался успехом.

Голос Джима дрожал, слезы бежали по щекам.

– Почему ты это сделал? Ты вызвал нас сюда, чтобы убить. Почему?

– Почему? – переспросил Акерман. – Извечный вопрос, верно? С самого начала существования человечества мы все отчаянно ищем ответ на единственный вопрос: почему? Что ж, боюсь, мне нечего тебе ответить, кроме одного: просто потому, что я вот такой. Одни люди создают шедевры живописи, другие становятся докторами, юристами, мясниками, пекарями или свечных дел мастерами. А я – хищник, убийца. Жизнь – игра, и мне нравится играть. Но я еще не закончил играть с тобой. Отдай мне свой бумажник.

– Мой бумажник?

Сильный удар по затылку стал первым ответом на его вопрос.

– Да, твой бумажник, пожалуйста, и немедленно.

Джим подчинился, и Акерман забрал требуемое. Убийца рылся в содержимом бумажника, останавливаясь, чтобы лучше рассмотреть сначала водительское удостоверение, а потом слегка помятую семейную фотографию.

– А у тебя прекрасная семья, Джим Морган. Я бы с удовольствием с ними познакомился.

– Не смей даже смотреть на них! – вскричал Джим, бросившись на убийцу своего лучшего друга.

Акерман воспользовался прикладом своего обреза как дубинкой и одним ударом уложил его на пол. Затем начал избивать, пока кровь не хлынула из нескольких крупных ран на лице. Джим ощущал, как каждый новый удар разрывает его плоть, но не в силах был сделать хоть что-нибудь, чтобы этому помешать.

Через некоторое время удары прекратились. Акерман стоял над ним, нацелив на него обрез.

– Я всего лишь хотел позабавиться с тобой, прежде чем прикончить, но теперь... Думаю, у меня появилась идея получше. – Акерман зашел за стойку и достал из-под нее какую-то бутылочку и обрывок ткани, не спуская при этом глаз с Джима.

Джим в агонии корчился на полу, глядя, как Акерман льет часть жидкости из бутылочки на ткань. Зрение его помутилось от стоявших в глазах слез. Он ощущал во рту вкус собственной крови и по-прежнему улавливал едкий дым, исходивший от обгоревших останков Тома. Мозг не успевал обрабатывать лавину информации, поступающую от органов чувств, и его сознание готово было отключиться. Акерман присел рядом на колени и накрыл ему рот тряпкой. Джим пытался бороться, но тщетно. Через несколько секунд он поддался воздействию химиката и погрузился во тьму.

* * *

Проснувшись, Джим огляделся по сторонам и понял, что находится дома. Поначалу он подумал, что весь ужас на заправочной станции был лишь кошмарным сном, но, когда увидел жену и дочь, чувство облегчения испарилось, как теплый выдох в зимний день.

Его жена Эмили и их маленькая дочка Эшли сидели в другом конце гостиной. Стулья, принесенные из столовой, были поставлены так, чтобы Эмили и Эшли находились к нему лицом. Они были связаны, их рты заклеены обрывками упаковочной ленты. Спутанные волосы, намокшие от пота и слез, прилипли ко лбу.

– Эшли! – Джим хотел броситься к ней, но веревки удержали его на месте. Попытка освободиться привела лишь к тому, что они болезненно впились ему в кожу.

Он посмотрел на жену. Ее черные волосы падали на лицо, искаженное страхом. Светлая кожа, унаследованная ею от необычной пары – бабушки-американки ирландского происхождения и дедушки-японца, – сильно покраснела. Джим вспомнил бесчисленные моменты, когда осторожно проводил пальцами по ее гладкому, нежному лицу. Она ненавидела свою белую кожу, жалуясь, что быстро обгорает на солнце, он же просто обожал ее молочный цвет, напоминавший ему тончайший фарфор. Ему всегда казалось, что он ее недостоин. И хотя ему никак не удавалось подобрать слова, чтобы сказать ей об этом, он чувствовал себя счастливейшим из мужчин, потому что ему повезло на ней жениться.

Слезы катились по его щекам, сердце разрывалось. И ему хотелось вырвать сердце из груди монстра, надругавшегося над его семьей. Хотелось сжечь его так же, как этот убийца расправился с Томом, показать психопату ад, в который он непременно попадет.

Пока он задыхался от бессильной ярости, Эмили привлекла его внимание и глазами сделала знак посмотреть направо. Он проследил за ее взглядом и встретился с холодными серыми глазами маньяка.

Держа в руке обрез, Акерман встал и подошел к Джиму сбоку.

– Пора просыпаться, – сказал он и похлопал Джима по плечу. – Мы тут сладко спали, папочка, но готовы приступить к ночным развлечениям.

Акерман зашел сзади и склонился к самому уху Джима.

– У тебя действительно прекрасная семья, Джим. Ты устроил себе хорошую жизнь. Отличный дом, самая очаровательная маленькая дочурка, какую я только встречал, а твоя жена... Скажу тебе так, парень: она великолепна. Причем я говорю это не в вульгарном или грубом смысле, Джим. Говорю тебе честно: она красивая женщина. Напоминает мне одну из кинозвезд прошлого, со своими черными волосами и бледной кожей. Знаешь, из тридцатых или сороковых годов, когда весь мир был еще черно-белым. Как бы то ни было, я просто имею в виду, что ты очень счастливый человек.

Джим скрежетал зубами, его трясло от бешенства. Он хотел крикнуть, чтобы Акерман заткнулся и убирался к черту, но боялся сделать что-то, что подыграло бы извращенным фантазиям умалишенного. А потому просто оставался неподвижным, молясь про себя, чтобы его любимые девочки вышли живыми из этой жуткой передраги. Его не волновало, что случится с ним самим. Если суждено умереть ради их спасения, то так тому и быть, но он молил Бога спасти жену и дочь.

– Что ты думаешь о смерти, Джим? Ты веришь, что вся жизнь пронесется в одно мгновение перед нашим внутренним взором? Что в последний момент мы словно проживаем ее заново? А как насчет пресловутого света в конце туннеля? На это ты купишься? И какого ты мнения о духовных аспектах смерти? Ты веришь, что после того, как я убью членов твоей семьи, они отправятся в гораздо лучший мир?

Джим не мог больше сдерживать свою ярость. У него не было сил слушать праздные рассуждения убийцы. Он начал конвульсивно дергаться, стараясь освободить конечности от пут. Он кричал во всю силу легких, не произнося при этом ни слова. Всего английского языка не хватило бы, чтобы передать охватившие его эмоции. Его крики были чем-то более древним, чем слова, чем-то более первобытным.

Джим перестал кричать лишь через несколько долгих минут. Он с каждым вздохом с силой втягивал в себя воздух, его ноздри бешено раздувались.

Акерман потрепал его по плечу.

– Все в порядке, Джим. Мне понятна твоя боль.

Джим ощущал себя побежденным и беспомощным, а ему необходимо было оставаться сильным и способным мыслить. Он не видел никакой возможности спастись. Они жили на отшибе среди леса, где некому было услышать его крики. Но потом он вспомнил, что его обязательно будут искать. *Вспомогательное подразделение придет на заправочную станцию. Они обнаружат тело Тома и поймут, что я исчез. Скоро они наведутся в мой дом. Да, но сколько времени это займет? Сколько времени уже прошло?* Ему необходимо задержать убийцу. Пусть продолжает говорить.

– Зачем ты это делаешь?

Акерман прищурился.

– Зачем? Но ведь мы уже это обсудили. Ты когда-нибудь слышал о старом правиле 10/90? Оно гласит, что жизнь лишь на десять процентов состоит из того, что с нами происходит, и на девяносто – из того, как мы на это реагируем. Вот что имеет значение. Не так уж важно думать о том, что происходит с тобой и твоей семьей. Все постоянно ноют: «Почему именно я? Почему это случилось со мной?» Они считают концом света, когда их машина стоимостью в сорок тысяч долларов не заводится и они опаздывают на свою непыльную работу в офисе, дающую возможность оплатить семейный отдых на Гавайях. Но им незнакомо значение слова «боль». Так что не надо здесь ныть, Джим. Причина не имеет значения. Тебе необходимо сосредоточиться на том, что делать в создавшемся положении: как спасти их, каким образом остановить меня.

Акерман снова наклонился к Джиму – так низко, что тот почувствовал горячее дыхание убийцы на своей шее.

– Я открою тебе один маленький секрет. Я искал кого-то для игры... Дстойного соперника. *Я хочу*, чтобы ты победил меня. – Акерман достал пистолет Джима из-за своего брючного ремня и положил его ему на колени. – Вот тебе правила игры. Давай назовем ее... «Двое по цене одного». Двое из вас умрут здесь этой ночью. Мне все равно, кто именно. Если ты застрелишься первым, я прикончу твою дочь. Если ты нарушишь правила или откажешься играть, то я заставлю тебя смотреть, как буду убивать твою жену и ребенка. Причем я стану делать это медленно. Они будут молиться о быстрой смерти, а ты пожалеешь, что сам сразу их не прикончил. Конечно, ты можешь застрелить их обеих, чтобы уцелеть самому, но мне почему-то не верится в такое развитие событий. Если убьешь жену, можешь покончить с собой или позволить мне убить тебя. Как бы то ни было, но в соответствии с таким сценарием в живых останется дочь. После того как я покину твой дом, я наберу 911 и вызову их сюда. У нее, возможно, возникнут эмоциональные проблемы, но в целом она будет в полном порядке.

Но прежде чем мы начнем, я хочу, чтобы ты хорошенько усвоил самое важное: какой бы вариант ты ни выбрал, что бы ни предпочел делать или не делать, двое из вас не выйдут из этого дома живыми. Но ты наверняка не захочешь, чтобы я сам выполнил за тебя всю работу. Уж можешь поверить моему чутью. Я знаю, ты думаешь, что они когда-нибудь обнаружат беспорядок на заправке и приедут сюда за тобой. Уверяю тебя: я принял такую возможность во внимание, так что у нас предостаточно времени закончить нашу маленькую игру. А теперь начнем.

Акерман разрезал веревки, связывающие руки Джима. Тот знал, что должен делать. У него появился шанс, и он им воспользовался – схватил свой пистолет и повернулся, чтобы направить ствол на маньяка. Но убийца был готов к этому. Он выбил пистолет из руки Джима, а затем обрушил приклад ружья ему на переносицу. После чего нацелил обрез на Эшли.

* * *

Джим успел только выкрикнуть «НЕТ!», прежде чем дом сотряс звук выстрела. Он не хотел смотреть в ту сторону и зажмурил глаза, хотя прекрасно понимал всю невозможность таким образом избавиться от чудовища, явившегося из ночных кошмаров в реальный мир. Он снова открыл глаза, и сердце у него забилось быстрее, когда он увидел, что пуля пробила пол, а дочь по-прежнему жива.

– Теперь ты готов играть по правилам?

Слезы потекли из глаз Джима.

– Я сделаю все, что захочешь. Я сыграю в твою игру... Только не трогай их.

– Отлично. Я дам тебе еще один шанс. Но если ты снова выкинешь какой-нибудь фокус, я могу устать от этой игры и начать другую. И она понравится тебе еще меньше, чем эта. Давай продолжим. – Акерман снова бросил пистолет ему на колени.

На сей раз Джим не сразу взял его. Мысли вихрем пронеслись у него в голове. *Должен быть какой-то выход из этого положения. Я же опытный полицейский. И должен найти способ спасти свою семью. Но что я могу сделать? Маньяк направил обрез мне в затылок, и если я опять не подчинюсь, мы все погибнем.* Где-то в глубине его сознания единственно возможный путь начал обретать очертания, но он отогнал от себя эту мысль. Это было бы слишком ужасно. Он не мог позволить себе даже думать об этом. И все же думал.

Когда Джим посмотрел в глаза своей жене, он понял, что она думает о том же самом. Если лишь одному из них троих суждено выжить, пусть это будет Эшли. В глазах Эмили отражалось то, о чем она думала. *Я люблю тебя. Я все понимаю. И пусть будет так.* Его жена, любовь всей его жизни, женщина, с которой он хотел встретить старость, кивнула и закрыла глаза.

Джим взял пистолет и поднял дрожащую руку. Положил палец на спусковой крючок, но не смог заставить себя нажать на него и опустил оружие. *Как я могу застрелить любимую женщину?* И он снова стал отчаянно искать альтернативу. Единственным способом спасти дочь было убить ее мать. Идея начала приобретать очертания, хотя на это ушло немало времени.

Он снова поднял пистолет. Он знал, что ничего не может решать без согласия жены, но она ясно выразила ему свои чувства. Ее храбрость и решительность позволили ему сделать то, что было неизбежно. Он прицелился и нажал на спуск.

* * *

Джим рыдал, закрыв лицо руками. Молча молился и просил у Бога прощения. Ему хотелось как можно скорее положить конец этой боли, но вера подсказывала, что самоубийство не позволит ему встретиться с женой в ином мире. Для него была невыносима мысль о вечности без нее. Пистолет выпал из его руки и с металлическим стуком ударился о паркет.

Акерман наклонился и разрезал веревку, стягивавшую ноги Джима.

– Прекрасно исполнено. Давай теперь перейдем к другой игре. Ее мы назовем... «Легкий или трудный способ». Я позволю тебе самому выбрать, как ты умрешь. Вариант номер один – выстрел из ружья в затылок. Это будет быстро и безболезненно, и ты погибнешь наверняка. Вариант номер два заключается в том, что я позволю тебе бежать через заднюю дверь. Разумеется, свою дочку ты оставишь здесь, но об этом даже не беспокойся. На самом деле выбора у тебя нет. Если не побежишь, я снесу тебе пулей голову, и она так или иначе останется со мной. Но вообще-то мне нет дела до твоей дочери. Мне гораздо интереснее играть с тобой.

Я дам тебе какое-то время, чтобы спрятаться, а потом приду и найду тебя. И не воспользуюсь ружьем. Пущу в ход нож. Таким образом, ты не умрешь быстро. Напротив, ты познаешь самую страшную смерть, какую я только могу избрать для тебя, но, конечно, остается шанс,

что я тебя не найду или что тебе удастся со мной справиться. Вот решение, которое тебе нужно принять. Сдашься сразу и положишь конец своим страданиям или же вцепишься в надежду на спасение и встретишь самую мучительную смерть? У тебя всего тридцать секунд, чтобы все обдумать...

Бросив последний долгий взгляд на свою маленькую дочку, Джим поднялся и направился к задней двери. Он не хотел бросать Эшли, но еще больше не хотел, чтобы она видела его смерть. Акерман был прав. У него не было выбора. Его сознание переполняла одна безмолвно кричавшая мысль: месть! О своей жизни он больше не беспокоился, как не волновал его и способ, которым его убьют, но маньяк дал ему шанс отомстить за смерть жены, и он попытается им воспользоваться. Он вышел из задней двери дома и быстро побежал в поджидавшие его объятия темного леса.

* * *

После ухода Джима на кухне когда-то тихого дома, где жил полицейский с семьей, Фрэнсис Акерман-младший снял телефонную трубку и набрал номер. Мужчина на другом конце линии ответил после пятого гудка.

– Здравствуйте. Это говорит отец Джозеф. Чем могу служить?

– Простите меня, святой отец, ибо я согрешил.

Какое-то время в трубке молчали.

– Вы меня слышите, падре?

Мужчина, к которому он обращался, тихо вздохнул.

– Да, я тебя слушаю, Фрэнсис.

– Я уже убил троих сегодня вечером и собираюсь прикончить еще одного... Полицейского.

– Зачем ты мне звонишь? Или это еще одна из твоих игр?

– Нет. Я просто... Мне просто нужно с кем-то поговорить. А вы единственный, кто у меня есть. – Он зажмурился, сдерживая слезы. – Я так устал, святой отец!

– Через Господа нашего ты можешь обрести покой, но тебе нужно самому захотеть этого.

– Я не верю в вашего бога. Мне не нужны ни ваши небеса, ни ваш ад. Я только очень хочу спать. Хочу тьмы. Забытья. Сделать так, будто я никогда не существовал.

– Так не получится. Настанет и для тебя Судный день, веришь ты в Бога или нет. Но еще не поздно, Фрэнсис. Обрети веру. Я могу тебе помочь. Я могу...

– Никто не может мне помочь. Я зашел слишком далеко, чтобы заслужить прощение.

– Все заслуживают прощения. – После некоторого колебания отец Джозеф добавил: – Ты не можешь винить только своего отца за то, каким ты стал.

Подумав об отце, Акерман бессознательно потер шрамы на кистях рук и предплечьях. В его голове все еще звучал голос, шепот в темноте. *Мы сыграем с тобой в игру, Фрэнсис... Убей ее... Убей ее, и боль пройдет...*

– В какой-то момент ты должен взять на себя ответственность за свои поступки, – сказал священник. – Он мог направить тебя на этот путь, но ты сам решил пойти по нему. Сейчас ты должен захотеть остановиться.

– Я не могу остановиться. Я такой, какой я есть. Я чудовище.

– Я тебе не верю. Тебя бы так не тянуло ко мне, если бы какая-то часть тебя не желала стать лучше.

– Не думайте, что понимаете меня, падре. Не имеет значения, чего я хочу. Мне бы хотелось стать нормальным человеком, но я не таков. И никогда уже таким не стану. Я сломлен, и никто не может вернуть мне силы. Кроме того, я лишь даю людям то, чего они хотят.

– Никто этого не хочет.

– Конечно же хотят. Знаете, сколько писем я получал, когда находился в закрытой больнице? Им нужен злодей. Они зачарованы мной. Я для них бог. Хотя, возможно, не для всех. Многим нужно видеть таких, как я, чтобы ощутить себя нормальными людьми, несмотря на темноту, царящую в их собственных душах. И если какому-то копу повезет и он убьет меня, это не будет иметь никакого значения. Я буду жить вечно. Меня станут изучать на семинарах по психологии. Мне начнут подражать. Обо мне напишут книги, снимут документальные фильмы. Чем дольше я буду оставаться на свободе, чем больше жертв будет на моем счету, чем более чудовищными будут мои преступления... тем большей будет моя слава.

– Знаешь, что может действительно сделать тебя живой легендой? Коренной поворот в твоей жизни. Подумай об этом. Люди станут по-настоящему восхищаться тобой как человеком, который делал то, что делал ты, но все же нашел путь к свету. Ты можешь быть злодеем и героем. В Писании сказано: «На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии»². Есть путь к вечной жизни, Фрэнк. Я могу показать тебе его. Могу помочь. Нужно только, чтобы ты доверился мне.

– Спокойной ночи, падре.

– Подожди. Не надо...

Акерман положил трубку на место, вытер слезы и посмотрел на часы. Он допускал возможность того, что офицер улизнет от него, но пока это никому не удавалось. Он был слишком искусен в своих делах.

Он найдет своего нового приятеля и сдержит данное ему слово. Джим умрет медленной смертью. Он будет кричать, пока его легкие не наполнятся кровью и он не захлебнется жидкостью, которая прежде несла жизнь по его венам. Но в конечном счете смерть Джима будет ничем по сравнению с потерей им силы духа, а он знал, что уже сломал этого человека. Он заставил его по-новому осознать и оценить все воспринимавшееся им как данность, а затем забрал это у него.

Акерман положил обрез на кухонный стол и достал охотничий нож из ножен на боку. Потом стал медленно вращать его, любуясь лезвием. Он предвкушал страдание, которое вскоре собирался причинить. Он станет продлевать и впитывать каждый момент агонии Джима и своего экстаза. А потом, в самом конце, когда каждый незабываемый крик будет исторгнут и все приемы пыток испробованы, он отнимет у Джима жизнь.

* * *

Фрэнсис Акерман зашел в придорожный ресторан и занял место за стойкой.

Мгновение спустя рядом появилась официантка.

– Что желаете заказать, мистер?

Он пристально посмотрел ей в глаза.

– Кофе и бифштекс.

Она сделала запись в своем блокнотике.

– Как вам приготовить стейк?

– С кровью.

– Печеный картофель, салат?

– Просто стейк и кофе, пожалуйста.

Затем он переключился на экран телевизора, закрепленного на стене. Что-то привлекло его внимание, и он попросил официантку сделать звук погромче.

² Евангелие от Луки, глава 15.

– Прошлой ночью произошло жестокое убийство, потрясшее весь штат Колорадо. Жертвами стали трое мужчин, включая двух полицейских. Четвертая жертва сейчас находится в больнице с огнестрельным ранением в голову, но, как ожидается, ей удастся поправиться.

Он подался вперед. *Удастся поправиться?* Изображение стоявшего на возвышении представителя полиции штата сменило лицо ведущего программы новостей. В титрах внизу экрана значилось: «Майор Кристиан Стейнхофф, начальник патрульной службы Колорадо». Акерман постарался запомнить имя и фамилию. Сильно потевший полисмен сказал:

– Медики считают, что Эмили Морган поправится. К ней уже вернулось сознание. Другие подробности мы сообщим позже, но, по словам миссис Морган, напавший на них преступник, описание внешности которого совпадает с внешностью Фрэнсиса Акермана-младшего, вынудил ее мужа выбирать, сохранить ли жизнь ей или их дочери. Основываясь на данных, полученных на раннем этапе расследования, мы пришли к выводу, что только сообразительность патрульного Джима Моргана спасла его жену. – Коп на экране сделал глоток воды из стакана и продолжил: – Несколько недель назад офицер Морган и его напарник офицер Том Делейн приехали на вызов в связи с инцидентом, в котором молодая женщина получила огнестрельное ранение в голову. Изначальной причиной вызова была семейная ссора, но, приехав на место происшествия, они обнаружили тело женщины, лежавшей в луже собственной крови. Они подумали, что она мертва, однако при дальнейшем осмотре пострадавшая оказалась жива. Молодую женщину пытались убить из пистолета двадцать второго калибра, направив ствол под углом, но пуля срикошетила от ее черепа. От удара она потеряла сознание, но рана оказалась несмертельной.

Ранение в голову, полученное Эмили Морган, почти идентично ранению той женщины, хотя в предыдущем случае выстрел был произведен из оружия меньшего калибра. Как выяснилось, офицер Морган в тот день посетил тир для полицейских, и в его пистолете остались более дешевые пули, используемые для тренировок, с меньшим содержанием пороха. Хотя еще рано говорить о чем-либо с уверенностью, мы полагаем, что офицеру Моргану удалось воссоздать предыдущую ситуацию, чтобы спасти от смерти и жену, и дочь. Хотя миссис Морган лишилась фрагмента черепа и уха и в настоящее время медики занимаются опухолью, возникшей на поверхности ее мозга, нет сомнений в полном выздоровлении пострадавшей. Сейчас она находится под нашей защитой.

Акерман откинулся на спинке стула. *Будь я проклят.*

– Прими поздравления, Джим, – сказал он вслух. – Наверное, придется признать, что мы сыграли с тобой вничью.

Он заметил, как пожилой мужчина, сидевший рядом с ним за стойкой, застыл с ложкой картофельного пюре в руке, не донеся ее до рта. Он повернулся и увидел, что тот пристально разглядывает его. На стойке перед стариком лежала развернутая газета, в которой, несомненно, была напечатана фотография убийцы по имени Фрэнсис Акерман-младший. Пожилой мужчина дрожал, и мелкие шлепки пюре падали ему на брюки. Но он, казалось, даже не замечал этого.

Акерман вздохнул и покачал головой. *Моя работа никогда не закончится*, подумал он и спросил соседа за стойкой:

– Не хотите ли сыграть со мной в одну игру?

Глава 2

Маркус Уильямс резко склонил голову набок, хрустнув шейными позвонками и приводя себя в боевой настрой.

– Послушай, – сказал он. – Не моя вина, что она предпочла компанию кого-то, кто может действительно поговорить с ней, а не общаться серией ухмылок.

– Не надо со мной умничать, приятель, – отозвался ковбой, чьи ноздри раздувались, как у готового к нападению быка.

– Ты прав. Мне лучше стать тупым. Так мы сможем настроиться на одну волну.

Он заметил, как к ковбою, которого звали Глен, с дальнего конца проулка подходили двое мужчин, и услышал шаги, приближавшиеся к нему сзади. Он протянул руку и отодвинул Мэгги, загородив ее собой. Мерзавцы всегда ходят стаями. Проулок был длинным и узким, и в него не выходила ни одна дверь, через которую можно было бы сбежать, не было видно ни одного окна.

Он слышал, как один из мужчин, стоявших позади, ритмично шлепал по ладони чем-то вроде бейсбольной биты. Другой, стоявший справа от Глена, держал в руке монтировку. Еще двое и Глен, таким образом, их уже пятеро. Он знал, что по меньшей мере у пары из них имелись стволы, а у других могли быть ножи, кастеты или еще что похуже.

– Вы, парни из больших городов, считаете себя чертовски умными. Я сыт по горло такими типами, как ты, которые приезжают сюда и думают, что мы здесь сборище тупиц, не умеем не только читать и писать, но даже шнурки на ботинках завязывать. Так вот, у меня для тебя новость. Мы здесь знаем кое-что другое, чему хотим тебя научить, и урок уже начинается.

Маркусу приходилось соображать быстро. Оставались считанные секунды то того, как эти типы на него набросятся. Он прекрасно понимал, что, даже если в их изначальные планы входило всего лишь избить его, схватка могла с легкостью перерасти в убийство. А еще он понимал, что, покончив с ним, они не позволят Мэгги так просто уйти. Ментальность разъяренной толпы может быть грозной силой.

По его венам разлился адреналин – тот самый, который порой помогает женщине приподнять машину, чтобы освободить попавшего под нее ребенка. Он ухватился за угол стоявшего рядом мусорного контейнера и надавил на него всем телом. Контейнер оказался почти пустым, а колеса не заедали. Это позволило Маркусу развернуть его и поставить на пути тех двоих, что приближались с дальнего конца проулка, заблокировав им дорогу.

Он осторожно подтолкнул Мэгги к одной стене, а сам встал с противоположной стороны. Он хотел отвлечь внимание нападавших на себя и оградить девушку от готовящейся схватки.

Маркус повернулся лицом к двум мужчинам, подошедшим с другой стороны. Ему показалось, что сам Глен трусоват и позволит друзьям выполнить за него всю грязную работу. Вскоре он понял, что был прав.

Первый из мужчин растянулся на асфальте, когда Маркус ботинком ударил его в грудь, сбив с ног. Он грохнулся на землю потрясенный, но не потерявший сознание. Второй мужчина перешел в нападение и нанес сильный удар стальной монтировкой Маркусу в бок. Маркус пошатнулся и едва не опустился на колени. Волна боли прокатилась по позвоночнику, но он волевым усилием заглушил ее, развернулся ко второму нападающему и вложил всю свою силу в невероятно мощный удар, нацеленный точно в центр его пухлой физиономии. Грузный противник тоже упал на спину и уже не смог бы прийти в себя без помощи нашатыря.

Первый попытался подняться на ноги, но его надежда возобновить участие в драке развеялась, когда он получил тяжелый удар ботинком в висок.

Глен держался позади, переминаясь с ноги на ногу. Маркус подумал, уж не ждет ли этот мастер поговорить, что он сам ляжет на землю и с тихим достоинством будет принимать от

него удары. К этому моменту двое, приблизившиеся с другой стороны проулка, обошли стоявшее у них на пути препятствие. Маркус поднял монтировку, валявшуюся рядом с потерявшим сознание мужчиной. Понимая, что по дальности действия это оружие уступает бейсбольной бите, он все же решил им воспользоваться.

Удар достиг цели, но не стал сокрушительным. Тем не менее мгновенное замешательство сыграло свою роль, позволив Маркусу вступить в схватку с размахивавшим битой противником, прежде чем тот сумел нанести ответный удар.левой рукой он схватился за утолщенный конец биты, а правую со свистом направил в лицо сопернику. Тот пошатнулся, выпустил биту из рук, но все же сумел ударить Маркуса в бок.

Маркус на мгновение замер, позволив оппоненту нанести второй удар в висок, подался назад, но затем ответил на него ударом только что добытой патентованной биты, изготовленной в Луисвилле. И этот мощный свинг надолго вывел противника из игры.

Маркус отметил по себя, что, поскольку Глен больше напоминал зрителя, чем бойца, перед ним оставался всего лишь один соперник. Последний из четырех подонков настороженно разглядывал его, выискивая незащищенное место. Маркус, в свою очередь, сильнее сжал в руках биту.

– Тебе лучше бить наверняка, – предупредил он.

Тот, к кому он обращался, поколебался какую-то долю секунды, после чего побежал к выходу из проулка со скоростью, казавшейся невозможной для человека его комплекции. Правильно говорят, подумал Маркус, что не узнаешь, как быстро бегаешь, пока не придется уходить от погони. Однако преследовать противника не входило в его намерения. Вместо этого он решил, что настало время разобраться с тем, кто заварил всю эту кашу. С накачанной пивом гориллой. Он повернулся и пошел туда, где по-прежнему топтался Глен. Отбросил биту, зная, что она ему больше не понадобится.

Глен пялился на него несколько затянувшихся секунд. Приходилось только гадать, собирается ли столь мужественный с виду ковбой с духом, чтобы напасть, или сейчас наделает в штаны и убежит. С дрожью в голосе Глен сказал:

– Видать, придется мне самому преподать тебе урок. – С этими словами он полез в карман и достал нож с выкидным лезвием.

Это будет забавно.

Глен сделал выпад вперед. Он действовал достаточно быстро, но все же разрезал лезвием только воздух, поскольку Маркус сумел уклониться. Он повторил удар по дуге, пытаясь задеть живот Маркуса, но тот успел отпрыгнуть назад и выгнуть спину, чтобы избежать ранения. Глен попытался нанести еще два быстрых удара, но оба оказались неудачными. При третьей попытке Маркус схватил Глена за кисть руки и изо всех сил потянул. Увлекаемый собственным весом, Глен быстро подался вперед. Вытянув руку, Маркус взял его за шиворот и заставил излишне полного ковбоя рухнуть на асфальт. Глен выронил нож, который со стуком покатился по мостовой проулка. Голова Глена тоже стукнулась о твердое покрытие, и он захрипел, когда от удара воздух вышел из его легких.

Маркус посмотрел на врага сверху вниз. Ему всегда очень нравились наполненные действием кинофильмы и короткие яркие фразы их героев. И хотя это было не кино, а значит, ничего подобного ремаркам из «Грязного Гарри» или «Терминатора» не могло войти в историю, он преисполнился гордости и произнес:

– Урок окончен.

* * *

– Ты в порядке? – спросила Мэгги, доставая из сумочки сотовый телефон и прикладывая его к уху. – У тебя кровь идет.

Маркус поднял руку и вытер полоску крови, вытекшей из разбитой губы, потом растер кровь между пальцами.

– Я...

Но Мэгги сделала ему знак молчать, и он понял, что она дозвонилась куда хотела. Он всегда замечал, как много можно узнать о человеке по его реакции на стрессовые или опасные ситуации. Пока она разговаривала по телефону, он следил за ее жестиком, ее голосом и интонацией, за дыханием и выражением глаз. Фразы, которые она произносила, вполне могла произнести деревенская девушка, но он умел видеть глубже, чем позволяли слова, угадывал личность, скрывавшуюся за ними. Ее голос оставался совершенно спокойным. Ее тон был настойчивым, но при этом вполне деловым. Дышала она размеренно, а язык тела говорил об уверенности в себе. Ее взгляд пробежал по телам распластанных на земле громил. Он уловил в ее голосе легкую дрожь, но этого и следовало ожидать. Она напоминала ему сейчас полицейского, вызывавшего по телефону подкрепление.

– Глен и несколько его собутыльников только что напали на меня и моего друга... С нами все в порядке... Мой друг разделался с ними... Да, папа, он настоящий мужчина... Нет, ты с ним не знаком. Сейчас не время для этого. Просто приходи сюда. Мы в проулке рядом с баром... Хорошо, но только поторопись. – Она закрыла телефон и убрала его в сумочку.

Маркус увидел, что Глен попытался встать, но снова упал и замер на месте.

– Ты не думаешь, что нам следует вызвать полицию?

Мэгги улыбнулась.

– Мой отец полицейский. Вообще-то он даже местный шериф.

– О, вот это прекрасно!

– Для тебя ведь это не проблема? Многие парни бежали от меня сломя голову, когда узнавали, что мой папочка – шериф. Наверное, это их пугало.

– Меня не испугает. Я с большим уважением отношусь к тем, кто носит полицейский жетон. Я и сам коп в третьем поколении. Или вернее... Вернее сказать, что я им был.

– Но теперь уже нет?

– Нет, теперь уже нет.

Впервые за долгое время он подумал, что мог бы снова стать полицейским. *Вероятно, я мог бы получить работу в качестве одного из заместителей шерифа, патрулировать местные дороги, время от времени выписывая штрафы.* Это было бы невероятно далеко от того мира, который он оставил позади. Да и обращаться к бывшему работодателю с просьбой дать ему рекомендации тоже было не очень удобно.

Явно не желая продолжать этот разговор, Мэгги вздохнула и откинула с лица белокурую прядь. Бронзовый загар делал ее волосы светлее, чем они были на самом деле. Она не пользовалась косметикой и не нуждалась в ней. Надпись «Ашертон Тэп» на ее розовой футболке означала название бара, где она работала официанткой и где они познакомились в тот вечер. Он предложил проводить ее домой.

– Извини меня за все это, – сказала она. – Я знала, что Глен запал на меня, но и подумать не могла, как далеко он способен зайти.

Маркус улыбнулся. Ему трудно было поверить, что он встретил такую девушку в первый же день своего нахождения в городе. Хотя из собственного опыта он знал: то, что вначале кажется невероятным, очень часто оказывается правдой.

– Не беспокойся об этом. Я могу позаботиться о себе.

– Я успела заметить.

Он пожал плечами.

– Это все фильмы с Чаком Норрисом.

Мэгги хихикнула.

– Не пойми меня неправильно. Ты действительно выглядишь мужчиной, способным постоять за себя, но только обычно это еще ничего не значит.

– Я изучал приемы боевых единоборств и занимался боксом, когда служил в полиции. Вдобавок к этому я вообще был довольно драчливым, пока не повзрослел. Но если начистоту, то, что здесь произошло, только на треть результат моих способностей, а на две трети – везение.

Да, ему повезло. Но ему почему-то всегда везло в подобных ситуациях. Он неизменно выходил победителем в схватках с противником. И когда только чистая удача сменилась подлинным мастерством? И когда мастерство превратилось в настоящий талант? В какой-то момент он осознал, что владеет даром причинять людям боль, и это его пугало. Ему хотелось, чтобы все продолжало зависеть от везения, но в глубине души он понимал, что так все же лучше. Знал свои истинные способности.

Он заметил мерцающие огни за углом. Вскоре прямо перед ними остановился патрульный автомобиль. Пожилой мужчина с посеребренными сединой волосами и с бородкой-эспаньолкой вышел из машины. Мэгги вкратце обрисовала ситуацию тому, кто, как понял Маркус, и был ее отцом.

В конце проулка уже собралась толпа из посетителей бара. Звуки мелодии из списка сорока лучших композиций местной кавер-группы лились из дверей «Ашертон Тэп» по мере того, как все больше клиентов выходили на улицу, чтобы посмотреть на происходящее. Многие из них выглядели разочарованными, поскольку пропустили разгар драки.

Люди с неизменным интересом наблюдают за тем, как один человек причиняет боль другому. *Почему нам так нравится смотреть, как люди вышибают друг другу мозги?* Он не мог их осуждать. Ему нравилось наблюдать за драками не меньше, чем другим, но он все же задумывался, что было такого в человеческой природе, что заставляло людей наслаждаться зрелищем насилия и чужих страданий. Выслушав дочь, шериф подошел к Глену и рывком поставил его на ноги, а один из его заместителей занялся приятелями ковбоя.

– Тебе есть что сказать в свое оправдание?

Все еще не совсем пришедший в себя Глен ответил:

– Мы ничего такого не сделали, шериф. Мы только типа хотели поздороваться с этим парнем, приехавшим в наш город, как он начал задирать нос. Не успели оглянуться, а он уже принялся раздавать удары и пинки направо и налево. Как с цепи сорвался.

Шериф кивнул.

– Вот как, значит. Что ж, я всегда считал, что тебе следует возглавить комитет по организации приема почетных гостей города. К тому же очень мило с твоей стороны было принести бейсбольную битку и монтировку в качестве приветственных подарков. – Шериф подтолкнул Глена в сторону своего помощника. – Уведи его отсюда.

Затем он отозвал Мэгги в сторону. Минуту спустя они вернулись, и шериф сказал Маркусу:

– Извини за Глена, сынок. У этого парня ума, как у курицы. И хотя это идет вразрез с моими правилами, Мэгги убедила меня разрешить тебе проводить ее до дома. Но это не значит, что ты уже соскочил с крючка. Я хочу, чтобы ты завтра пришел ко мне в отделение и написал официальное заявление. Утром меня не будет на месте, а потому приходи после обеда. К этому времени у нас как раз появится возможность присесть и хорошенько побеседовать.

Маркусу не слишком понравилась идея такой беседы. Скорее всего, ее главной темой станет Мэгги, и какая-то часть его тела может пострадать, если он не окажет дочери шерифа должного уважения.

– Я непременно найду к вам, сэр.

Мэгги немного неловко обняла отца, и они с Маркусом пошли дальше. После непродолжительного молчания она спросила:

– Так почему ты больше не полицейский?

Темный переулок, крик, кровь, слезы – одной стремительной волной воспоминания вернулись и обрушились на его сознание, как торнадо, оставляющий дом стоять на месте, но делающий его необитаемым. Какое тебе до этого дело? Почему бы тебе тогда не спросить, как умерли мои родители, или, быть может, о том, как у меня на глазах машина переехала моего пса, когда я был еще ребенком?

Но ведь она не знает, как болезненны эти воспоминания. Она просто хочет узнать тебя получше, идиот. Вероятно, потому что ты ей понравился. Но сейчас она может подумать, что ты законченный психопат, поскольку тебе нужен час, чтобы ответить на простой вопрос.

– Что ж...

Как ей все объяснить?

– Мне кажется, разговор на эту тему лучше приберечь для нашего второго или третьего свидания.

– Откуда ты знаешь, что у нас с тобой вообще будет второе или третье свидание?

– Ты же хочешь выведать все мои секреты.

Она улыбнулась. Когда он заглянул ей в глаза, все дурные воспоминания ускользнули куда-то в глубину сознания и уже не примешивались к сиюминутным мыслям. Сейчас боль отступила. Внутренние демоны погрузились в сон.

– Спасибо, что провожаешь меня, – сказала она. – Ты в самом деле хороший парень.

Он скорчил гримасу.

– Тот еще комплимент.

Она окинула его непонимающим взглядом.

– Хорошим парням звонят, чтобы получить совет, как вести себя с плохим парнем в роли возлюбленного. Они отвозят тебя в аэропорт и помогают с переездом. Хорошие парни держатся дольше остальных. Впрочем... Не такой уж я и хороший.

– Не согласна с тобой. Я действительно считаю тебя хорошим, а еще думаю, что ты не общался с подходящими тебе девушками. И мне нравятся хорошие парни.

Их взгляды встретились, и он ощутил исходящее от нее тепло, от которого его сердце забилося быстрее, а в душе пробудились надежды. Несколько секунд они не сводили друг с друга глаз. Потом ее щеки начали покрываться краской, и она посмотрела в сторону.

От теплого аромата рулетов с корицей, только что вынутых из печи, в животе у него заурчало. Внутри помещения, из которого исходил запах, горел свет. Мэгги была так поглощена своим нынешним состоянием, что чуть не прошла мимо входа в свое жилище – небольшую квартирку над булочной «Магнолия». А он вспомнил место с таким же названием на Бликер-стрит в Нью-Йорке. Ему очень нравились продававшиеся там кексы с бархатистой красной глазурью.

Мэгги остановилась и достала из сумочки ключ. Потом застыла в нерешительности, и ему показалось, что она ждет от него следующего шага.

Прошло очень много времени с тех пор, как он говорил что-то подобное.

– Поужинаем завтра вечером?

Мэгги снова полезла в сумочку, вынула небольшой блокнот и ручку. Записала номер своего телефона и подала листок Маркусу.

– Позвони мне завтра.

Он взял листок, аккуратно сложил его и сунул себе в карман.

Еще несколько секунд они пристально смотрели друг на друга. Потом он склонился к ней, а она закрыла глаза и, как ему показалось, ожидала прикосновения его губ к своим.

Он тронул ее за плечо, но не поцеловал, а прошептал на ухо:

– Я не целуюсь на первом свидании.

Ее глаза открылись, она прищурилась.

- Странный ты человек.
- Он улыбнулся.
- А вот это я приму как наилучший комплимент.

* * *

– Ты уверен, что мы поступаем правильно? – спросил мужчина крупного телосложения и забарабанил пальцами по поверхности старинного письменного стола. Другой мужчина, помельче, усмехнулся, отошел от окна, из которого открывался вид на густо увитую плющом веранду усадьбы, и сел в кресло позади резного стола из орехового дерева.

- Я замечаю, что чем старше становлюсь, тем менее уверен вообще в чем-либо.

Крупный мужчина улыбнулся своему старому другу, которого все называли Директор.

– Понимаю, что ты имеешь в виду, но начинаю сомневаться насчет этого плана. Есть миллион причин, почему все может пойти не так.

- Но в то же время есть и миллион причин считать, что у нас все получится. Такова жизнь.

– Знаю, но не могу избавиться от ощущения, что мы слишком рискуем. Мы ставим многих людей в опасное положение, а у нас все может выйти из-под контроля. Цель действительно оправдывает средства?

- А так вообще когда-то бывает?

Крупный мужчина провел пальцами по своей светлой с проседью шевелюре. Первым нарушил молчание его товарищ:

– Думаю, мне надо выпить и подышать свежим воздухом. Не желаешь составить мне компанию?

- Да, и мне двойную порцию, пожалуйста.

Они вышли из кабинета Директора и прошли по дорожке, огибавшей все массивное белое здание. Потом здоровяк спросил:

- Неужели это должен быть именно Акерман?

– Мы это уже обсуждали. По прошлому опыту мы с тобой знаем, что для этого необходим кто-то... кто-то его калибра. Для достижения нашей цели. Кроме того, ты знаешь его связь со всем этим. Мы нуждаемся в нем. Дьявол! Весь наш план завязан на нем. И мы уже проделывали подобные вещи.

– Но только не с такими людьми, как Акерман. – Крупный мужчина помотал головой. – Он меня пугает.

– Понимаю. Я чувствую то же самое, но только события, которые привели нас к сегодняшнему дню, были запущены несколько лет назад. Это судьба. Хоть и в какой-то степени с нашей помощью, не без этого. Мы оба знаем, что иногда нужны экстремальные действия, чтобы радикально повлиять на чей-то образ мыслей. Мы с тобой спланировали все наилучшим образом, а наши люди знают свою работу. Они тоже лучшие. Ты сам натаскал многих из них. У нас все должно получиться.

Здоровяк откинул голову назад и опрокинул в себя содержимое стакана.

- Да поможет нам Бог, если ты неправ.

Директор пожал плечами.

- Да поможет нам Бог при любом раскладе.

Глава 3

Морин Хилл сидела одна за своим кухонным столом и не отрывала глаз от стула, который прежде был местом ее мужа. В течение сорока двух лет Джек сидел напротив нее каждое утро, когда они завтракали и пили кофе. Мысль о том, что он никогда больше не займет этот стул, продолжала шокировать ее даже после почти двух лет жизни без него.

Они с Джеком многие годы копили деньги, не позволяя себе ничего лишнего, никогда не тратясь понапрасну и не наслаждаясь жизнью. Они планировали начать путешествовать и повидать мир позже. Она хотела побывать в Париже и в Венеции, а ее муж неизменно мечтал об Австралии. Эта супружеская пара надеялась состариться состоятельными людьми и уже тогда позволить себе все удовольствия, в которых они столько лет себе отказывали. Их дети уже стали взрослыми и были для стариков надежными помощниками и защитниками. Но предполагалось, что золотые денечки будут принадлежать только им одним, станут временем наслаждения жизнью и обществом друг друга.

А теперь все эти годы экономии и самопожертвования казались ей совершенно бессмысленными. Она искала в памяти хотя бы один случай, когда они позволили бы себе поесть в хорошем ресторане или провести вечер за самыми простыми развлечениями. Но ничего не вспоминалось.

Диагностированный у мужа рак заставил их круто изменить свою так хорошо распланированную жизнь. Теперь она жалела, что не может повернуть время вспять и все сделать по-другому. Она хотела бы, чтобы они жили сегодняшним днем, а не постоянно смотрели в будущее. Слезы текли по ее щекам, она сожалела, что они не наслаждались отпущенным им временем, думая, что оно никогда не закончится. Морин вытерла слезы и попыталась отвлечься от горестных воспоминаний и сожалений.

С теплой улыбкой она посмотрела на семейную фотографию. Двадцать два внука и внучки, которых она обожала, занимали какую-то часть ее времени, но они никогда не смогли бы по-настоящему заполнить пустоту, оставшуюся после смерти мужа, – ничто не смогло бы.

Морин громко вздохнула и взяла со стола роман Дэвида Моррелла в мягкой обложке. Прочитала несколько страниц, но, поскольку легла прошлой ночью поздно, позволив себе насладиться хорошим фильмом по телевизору, ее веки отяжелели и вскоре закрылись. Книга упала на пол, а ее голова склонилась набок, когда она быстро погрузилась в крепкий сон.

* * *

Мужчина с холодными серыми глазами наблюдал за седой женщиной через окно ее кухни. Черная душа, таившаяся за этими глазами, уже предвидела, как она умрет. Акерман заметил, как пристально она смотрела на стоявший перед ней пустой стул, и догадался, что она недавно потеряла супруга и теперь ощущала депрессию и одиночество. Но, сама того не ведая, она уже не была одна. У нее появилась компания.

Ему стало ее жаль. Он знал, что, так или иначе, она уже совсем скоро присоединится к своему мужу и уйдет в забвение. И лишь небольшая группа членов семьи и подруг оплачут ее смерть. А всего через несколько лет о ней будут вспоминать только тогда, когда родственники захотят посмотреть альбомы со старыми фотографиями. Никто, кроме узкого круга самых близких людей, не вспомнит даже ее имени, и она растворится, словно никогда и не существовала.

Но он все изменит. Его присутствие в ее доме гарантированно заставит всех жителей района запомнить, что эта добрейшая бабушка была убита садистом-преступником. Наступит время – а он был в этом уверен, – когда о его преступлениях будут написаны бесчисленные

книги. Его будут подвергать психоанализу, а страсть Америки ко всему зловещему поможет этим трудам попасть на самый верх списка бестселлеров.

Большинство станет его ненавидеть, такие, как он, будут им восхищаться, но запомнят все. Даже встретив бесславный конец, он останется жить вечно. А вместе с ним и эта женщина с серебристыми волосами надолго сохранится в людской памяти. Она может даже удостоиться отдельной главы в еще не созданной летописи его преступлений. И хотя эта старушка, как и другие его бесчисленные жертвы, никогда не сможет оценить его дара, убив ее, он обеспечит ей бессмертие.

* * *

Какая-то часть спящего сознания Морин уловила шум в кухне, и она очнулась от сна. Сморгнула нечто вроде паутины, затуманившей взгляд, но ее сердце оказалось совершенно неподготовленным к тому, что она увидела.

Мужчина с холодными серыми глазами сидел на стуле ее покойного мужа. Она задрожала от страха и не смогла найти слов, чтобы заговорить с ним. Одна ее рука лежала на столе и дрожала с такой силой, что заставила вибрировать стоявшую в центре стола декоративную вазу с букетом из лилий и орхидей. Она уже хотела что-то сказать, когда мужчина без предупреждения достал нож и вонзил его в стол прямо сквозь дрожавшую кисть ее руки.

Она закричала от невыносимой боли. Попыталась убрать руку, но та оказалась буквально пригвожденной к поверхности стола. Чем настойчивее она стремилась освободиться, тем острее становилась боль. Она осмотрелась вокруг в поисках какого-нибудь орудия, которое можно было бы использовать против вторгшегося к ней мужчины. По иронии судьбы единственным предметом в зоне ее досягаемости оказалась книга в мягкой обложке, в которой рассказывалось об охоте на серийного убийцу.

– Тсс. Тише, пожалуйста. Нам нужно многое обсудить.

Она дергалась в конвульсиях страха, хотя сумела взять под контроль рвавшиеся наружу крики. Но ничего не могла поделать с коротким, частым и хриплым дыханием или со слезами, брызнувшими из глаз. Между судорожными вздохами она наконец сумела выговорить:

– Кто вы такой? Что вам нужно?

– Меня зовут Фрэнсис Акерман-младший. Я хочу сыграть с вами в одну игру.

Между всхлипами она спросила:

– Почему вы это делаете?

Казалось, Акермана даже несколько озадачил этот вопрос.

– Вы спрашиваете у льва, почему он ест мясо? Почему трава зеленая, а небо голубое? Некоторые вещи просто такие, какие есть, поэтому и я такой. – Акерман встал и подошел к кухонной стойке. Взял с нее таймер для выпечки – белый пластмассовый приборчик с круглым циферблатом. В правом нижнем углу таймера черными затейливыми буквами было написано его название: «Люкс».

Убийца снова сел за стол. Он держал таймер перед ней, вращая его пальцами, словно ни разу не видел ничего подобного.

– Обожаю такие штучки, – сказал он, заглядывая ей прямо в глаза, словно был ее старым другом. – Должен признаться, меня совершенно завораживают любые устройства, измеряющие концепцию времени. Странно, не правда ли? Я имею в виду, что время – это такое ускользающее и текучее понятие. И все же мы изобретаем приборы, чтобы заключить эту величайшую из концепций в приятные для глаз маленькие коробочки, чтобы понять, измерить ее и придать ей ценность. А время между тем постоянно окружает нас своим потоком и изменяется. Оно – материал, из которого состоит вселенная, а мы в сравнении с ним ничто. Всего лишь отдельные капельки в огромном океане времени. – Он помолчал и продолжил: – А еще мне нравится,

что время в нашем персональном восприятии совершенно относительно. К примеру, когда вы сидите здесь в страхе и с ножом, вонзенным в руку, то ощущаете, будто время замедлило свой бег и еле ползет. А вот я сижу и от души наслаждаюсь каждым моментом, но чувствую, как время убегает с поразительной скоростью. Все относительно, но именно это и делает ваше миниатюрное устройство таким интересным.

Он поднял вверх кухонный таймер.

– Независимо от того, как ощущается время индивидуумом, на чье восприятие влияет ситуация, в которой он оказался, этот приборчик неумолимо выдает постоянные показания. В целом секунды, отсчитываемые им, не бегут быстрее и не тянутся медленнее, независимо от того, кем вы являетесь, и это еще один столь любимый мной аспект времени. Оно всегда справедливо. Неважно, кто вы, чем занимаетесь или сколько денег на вашем банковском счете, для вас время проходит так же, как и для всех нас. И рано или поздно наступает его конец для всего живого на этой планете. Время – величайший убийца в мире, поражающий каждого. – Он поставил таймер на стол прямо перед ней. – Итак, чтобы отдать должное этому крайне интересному устройству, маленькая игра, в которую мы с вами сыграем, станет борьбой против времени для нас обоих. Назовем эту игру... «Теорией относительности». Прежде всего я поставлю таймер на шесть минут. Затем отпущу вас и дам вам возможность спрятаться в доме. Пока вы будете прятаться, я посижу за этим столом и буду наблюдать, как таймер отсчитывает три минуты поистине драгоценного времени. После того как три минуты истекнут, у меня останется еще три минуты, чтобы найти вас. И если я найду вас за это время, то вы умрете гораздо более страшной смертью, чем можете себе представить. Если же вы сумеете меня перехитрить и я не найду вас, когда таймер отсчитывает ровно шесть минут, то я оставлю вас в покое, и вы никогда меня больше не увидите.

Акерман встал и взял с крючка кухонное полотенце. Затем подошел к одному из шкафов и достал две стеклянные чашки. Морин удивленно следила за безумцем, который поставил чашки на полотенце, крепко затянул его вокруг них, а потом разбил чашки, получив сверток, набитый осколками стекла.

Повернувшись к ней, он продолжил:

– Но прежде чем мы начнем игру, нам необходимо установить правила. Правило номер один: вы должны оставаться в доме. – Акерман подошел к задней двери и рассыпал перед ней часть осколков стекла. Затем направился через прихожую к парадной двери.

Когда убийца покинул кухню, Морин собралась с силами и ухватила за рукоять ножа, заставлявшего ее сидеть на месте. Она начала медленно раскачивать лезвие, но каждое движение причиняло невыносимую боль, грозящую лишить ее сознания.

Она слышала приближение преступника. Его шаги звучали все громче, когда он подошел к кухне. С бешено бьющимся в груди сердцем она возобновила свои усилия. *Если бы мне только удалось вытащить нож, я смогла бы нанести удар убийце до того, как он поймет, что я сумела освободиться.*

Морин раскачивала нож вперед-назад, отчаянно стараясь вытащить его из толстой деревянной столешницы. Она не была хилой, но ее нельзя было назвать и очень крепкой женщиной. Ее раны – физическая и душевная – лишали ее последних сил, которыми она обладала. Каждое движение лезвия лишь еще глубже вонзало его в руку, обрезая нервные окончания и причиняя острую боль, устремляющуюся вверх, а потом вниз по позвоночнику.

Теперь убийца находился в прихожей, то есть практически рядом с кухонной дверью. Морин собралась с духом для последней попытки и с силой, еще остававшейся у нее, потащила нож за рукоятку вверх. От невероятных усилий на лбу у нее выступал пот, который потом смешивался со слезами. Нож поддавался очень медленно, едва ли вообще двигался вверх.

Она не сдавалась, но не могла вытащить его хотя бы еще на миллиметр. Все оказалось бесполезно. Нож крепко сидел в столе, и ее перенапряженные мышцы уже ничего не могли поделать.

Акерман вернулся на кухню и посмотрел на нее, как отец, поймавший ребенка, который тайком запустил руку в коробку с конфетами. Потом подошел к столу и встал прямо над ней.

– Видите, милочка, этот нож подобен лейкопластырю. Нужно просто его оторвать. – Быстрым движением он ухватился за нож и вытащил его из стола и из ее кисти.

Боль охватила ее целиком и едва не лишила чувств. Холодные импульсы стучали и поднимались вверх по руке. Она почувствовала, как поле ее зрения сокращается до узкого туннеля беспамятства, но усилием воли не дала себе отключиться, содрогнувшись всем телом при мысли, что этот психопат мог бы с ней сделать, окажись она в бессознательном состоянии.

– Хорошо, вернемся к правилам, – сказал Акерман. – Как я уже объяснил, вы должны оставаться внутри дома. Для этого я и рассыпал битое стекло у выходов, чтобы вы не смогли незаметно выскользнуть наружу. Правило номер два: никаких попыток позвать на помощь. Я не собираюсь обрезать телефонные провода, но, думаю, мы оба понимаем, что никто не успеет прибыть сюда вовремя, поэтому это не имеет никакого значения. Ваш единственный шанс спастись заключается в моей неспособности найти вас в отведенное для этого время. Если вы нарушите правила, я просто дам себе больше времени на поиски. Отлично. А теперь, когда основные правила установлены, давайте начнем.

Акерман сел, поставил таймер на шесть минут и опустил его на столешницу из красного дерева. Морин смотрела на него в полной растерянности, не в состоянии поверить, что все это действительно происходит именно с ней.

Акерман вздернул брови.

– Вам лучше сразу пойти прятаться, – сказал он. – Время истекает.

* * *

Морин вскочила на ноги и выбежала из кухни. Споткнулась о низенький столик в коридоре, который вел в прихожую, и упала на пол. Поднялась, перевела дыхание и усилием воли заставила себя успокоиться. *Я должна мыслить ясно, если хочу остаться в живых.* Она схватила салфетку со столика и перевязала кровоточащую рану на руке. Остановив кровотечение, собралась с мыслями и стала думать, где спрятаться.

Морин переходила из комнаты в комнату, и все в ее собственном доме выглядело мрачным и чужим, как поверхность какой-то далекой планеты. Она напряглась изо всех сил, стараясь представить себе место, где маньяк не сможет ее отыскать, но ничто не приходило ей в голову. А время, как сказал убийца, истекало.

Наконец ее осенило: она вспомнила о месте, где будет надежно укрыта от посторонних глаз и где этот сумасшедший ни за что ее не найдет. Стараясь ступать как можно тише, Морин стала подниматься по парадной лестнице. Но с каждым ее шагом ступени издавали громкий скрип, словно протестуя против перемещенного на них веса тела. Никогда прежде она не замечала, какой скрипучей была лестница, но ведь никогда прежде ей не приходилось красться по собственному дому. Каждый раз, когда ее нога опускалась на очередную ступеньку, раздавался скрип и стук, который теперь звучал для нее как очередной гвоздь, вбиваемый в крышку ее гроба. Преодолев примерно четверть подъема, она оставила всякую надежду на беззвучное передвижение и просто побежала вперед.

Только оказавшись на втором этаже, она вновь предприняла попытку приглушить свои шаги. Половицы на лестничной клетке тоже скрипели, но не так громко, как ступени лестницы. Она шла по коридору к двери своей спальни, уже смутно надеясь, что убийца не сразу определит ее местонахождение.

Морин повернула ручку, вошла и закрыла за собой дверь. Оказавшись внутри, она встала на кровать и дотянулась до потолка, в котором имелась потайная панель. На панели располагалась складная лесенка, облегчавшая путь на чердак.

Она взобралась по лесенке и закрыла за собой панель с помощью цепочки. Чтобы скрыть вход на чердак, из чисто эстетических соображений, ее покойный муж покрыл панель красным в тон потолка гипсокартоном. Лишь узенькая щелка и тонкая цепочка, открывавшая панель, выдавали наличие в спальне этого люка. Морин молилась, чтобы киллер ничего не заметил.

У нее не было никакой уверенности, что после того, как истечет установленное время, он уйдет. *Но разве мне что-то остается, кроме веры, что он будет придерживаться им же самим установленных правил?* Если сумасшедший не станет играть по правилам своей собственной игры, спасти ее сможет только чудо.

* * *

Морин неподвижно лежала на одной из потолочных балок чердака, думая, что бы можно было использовать как оружие, если убийца все-таки обнаружит ее укрытие, но на чердаке было почти пусто. Единственным крупным предметом в этом небольшом пространстве был сундук, в который она после кончины мужа сложила его одежду и другие принадлежавшие ему вещи. Помимо одежды в нем теперь хранились фотоальбомы, рамки для фотографий, диски с фильмами и многое другое. Она подумала, не разбить ли стекло в одной из рамок, но звук мог выдать ее местонахождение. К тому же она понятия не имела, как воспользоваться таким самодельным ножом, даже если бы он оказался у нее под рукой.

Морин пыталась определить, сколько прошло времени, – ей казалось, что целая вечность. Она затаила дыхание и ждала.

Через несколько секунд она услышала оглушительный грохот, и воображение нарисовало ей товарный поезд, мчавшийся прямо на ее дом. Но она узнала источник звука, и это был отнюдь не поезд. Это мужчина с невероятной скоростью взбежал вверх по лестнице, а потом промчался по коридору.

Затем до нее донесся еще один громкий звук. Это распахнулась дверь в спальню, находившаяся всего в нескольких футах под занятой ею позицией. Ее сердце бешено стучало. Она не могла дышать. *Как он сумел так быстро меня найти?*

Морин с силой прикусила костяшки пальцев на руке, чтобы не издать всхлипа или вскрика. Ее била дрожь, она ощущала холод, какого прежде не чувствовала ни разу в жизни.

Она молила Бога спасти ее или по крайней мере сделать ее смерть быстрой и легкой, но потом изменила свою молитву, вспомнив, что Бог не облегчает жизнь даже самым верным своим сторонникам. Он просто дает им надежду, что с помощью веры они смогут перейти на другой, более высокий уровень существования. Подумав, она начала молиться о даровании ей сил, которые с божьей помощью обрела во многие трудные минуты своей жизни.

Морин почувствовала присутствие во рту жидкости со странным медным привкусом и поняла, что прикусила костяшки до крови. Но сейчас это едва ли имело значение. Она лишь сильнее сжала зубы, стараясь забыться при помощи боли.

Убийца со скрипом опустил панель и сказал:

– Ну а теперь выходите, где бы вы ни прятались.

Затем Морин услышала, как он разложил лестницу и начал подниматься к ней сам. Слезы дождем потекли по ее щекам, и она поняла, что совсем не хочет умирать. Много раз после ухода мужа она была готова последовать за ним, но сейчас ею владело одно желание – остаться в живых. И ее вновь накрыло осознание того, как бездарно она потратила дарованное ей время. Когда был жив муж, они жертвовали настоящим в надежде на лучшее будущее. Но и после

его смерти она не научилась ценить жизнь. Вместо того чтобы посвятить себя какой-то цели или наслаждаться общением с детьми и внуками, она проводила дни в хандре, бесцельно расхаживая из угла в угол. И теперь она взывала к Богу с просьбой даровать ей еще один, самый последний шанс.

А затем, подобно грому среди ясного неба, ее осенила новая идея. Возможность спасения открылась ее сознанию, и Морин взялась за дело. Она ухватила за большой сундук, где хранились лишь ее воспоминания, и напрягла все силы, чтобы подвинуть его к краю люка и сбросить на голову поднимавшегося к ней убийцы.

* * *

Морин осторожно заглянула вниз, в свою спальню, и увидела, что маньяк распластался на полу с закрытыми глазами. Рядом с ним стоял опрокинувшийся набок сундук. Часть его содержимого вывалилась наружу. Она заметила маленькую струйку крови на лбу у мужчины и от всей души понадеялась, что он мертв.

Теперь ею владела только одна мысль – бежать. Если убийца всего лишь потерял сознание, он мог в любой момент прийти в себя и закончить начатое. Ей необходимо оказаться как можно дальше от своего дома.

Осторожно переставляя ноги, Морин стала спускаться по лестнице. Обмякшее тело маньяка лежало почти у самого подножия. Ей предстояло переступить через него, чтобы добраться до двери к спасительной свободе. Она встала на нижнюю ступеньку, глубоко вдохнула и, не выдыхая, перешагнула через тело убийцы, приложив огромное усилие, чтобы не только не прикоснуться к нему, но даже не потревожить окружающий его воздух. Она не хотела ненароком разбудить спящего монстра.

Убийца был прав, когда сказал, что понятие времени относительно. Морин показалось, что на спуск по лестнице она потратила несколько минут, хоть и понимала: прошли считанные секунды. Только отойдя от тела маньяка, она почувствовала, что почти не дышит. Добравшись до двери, она начала поворачивать ручку. Но прежде чем успела закончить, ощутила тяжелый удар сзади, заставивший ее выпустить весь воздух из легких.

Немой крик рвался из ее рта, но услышать его мог только Бог, поскольку ей не хватало воздуха, чтобы кричать вслух, а не внутри своего сознания. Но в ее голове крик казался оглушительным.

Убийца развернул ее к себе лицом и всем телом ударил о стену. Лезвие ножа ткнулось в ее горло с достаточной силой, чтобы она почувствовала, как оно надрезало ей кожу. Ею овладел такой ужас, что она утратила способность мыслить рационально. Теперь ей даже в голову не приходило сопротивляться.

Она почувствовала горячее дыхание Акермана на своем лице, когда он произнес:

– Вот я вас и нашел.

За его спиной зазвенел таймер, валявшийся на полу там, где он его выронил. Убийца оглянулся, продолжая держать нож в прежнем положении. Затем вновь повернулся к ней, и его взгляд проник глубоко в ее глаза, словно стремился добраться до таившейся за ними души.

– Время истекло.

Глава 4

Сон всегда начинался одинаково. С ночным мраком приходили воспоминания и боль. Каждую ночь Маркус Уильямс обнаруживал себя заточенным в тюрьму без стен. Его память рисовала темный портрет, который не просто обитал где-то в глубинах подсознания – он видел его своими глазами. Мир его воспоминаний и обстоятельства, возникавшие в кошмарах, оставили пятно в душе и кровь на его руках, причем ни то, ни другое невозможно было смыть.

Подобно многим молодым людям, он начал карьеру офицера полиции, полный идеалов и уверенный, что справедливость всегда торжествует, а добро побеждает зло. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять: поговорка о слепоте правосудия очень близка к истине, а зло оплачивается гораздо лучше, чем добро. Он словно со стороны видел мир, управляемый в большей степени деньгами и властью, нежели давно забытыми представлениями о чести и добродетели.

За годы службы на страже мира и порядка ему довелось стать свидетелем многих зверств и проявлений жестокости. Он вдоволь насмотрелся на несправедливость, проявлявшуюся не только в человеческих поступках, но и в наказании за них – или в отсутствии такового. Он видел, как хороших людей, решившихся на преступления только от отчаяния или крайней необходимости, приговаривали к самым суровым мерам, предусмотренным законом. Точно так же он видел, как правосудие слепо в отношении определенного сорта людей, потому что они обладали солидными счетами в банках или были наделены значительной властью.

После того как он отбыл свой срок в роли охранителя всего этого хаоса, его стали преследовать навязчивые воспоминания и кошмарные видения, которые мучили его, проникая в самые глубины его сна.

Биение его сердца ускорялось по мере того, как события одной из знаковых ночей прошлого воспроизводились в потаенных уголках его сознания. Он знал, что спит и ничто не способно стереть события, навсегда запечатленные на страницах его памяти. Но осознание того, что все это происходит не наяву, не делало его ощущения менее реальными. Он чувствовал тот же холод в воздухе. Тот же запах, исходивший от протекавшей рядом реки. И слышал тот же крик, который звал его в ту ночь, – крик, который его сны уже никогда не позволят ему забыть.

Пережив бесчисленные ночи беспокойного сна, он усвоил, что, если как следует сосредоточиться и издать яростный безмолвный крик, эхо в подсознании запустит реакцию в его голове. Посредством такого немого крика ему удавалось разорвать цепочку событий во сне и уберечь себя от нового болезненного переживания того, что случилось в прошлом.

Маркус проснулся, покрытый холодным потом от лба до живота. Часы показывали пятнадцать минут шестого. Он побрел по коридору туда, где находилось то, что могло быстро вернуть его из полубессознательного состояния к ощущению реальности, и, войдя в кухню, направился к никогда не подводившему его кофейнику. *Кофеин – лучший друг тех, кто страдает бессонницей.*

Потом он переместился в гостиную, включил телевизор и принялся переключать каналы. Он сидел на складном стуле в окружении нераспакованных коробок – телевизор и кофейник стали первыми извлеченными из них предметами.

Хорошо показывали только пять каналов, и Маркус вынужден был довольствоваться выбором между обилием рекламы, выдаваемой за информацию, и местными новостями. Поскольку он еще не достиг того этапа жизни, когда не мог бы обойтись без ножей, с одинаковой легкостью режущих жесть и помидоры, или без набора дисков с музыкой кантри 60-х годов, или без спрея от облысения, то переключился на новости Четвертого канала.

Пока он потягивал кофе, на экране появилось изображение человека, привлекавшее его внимание. Он был уверен, что никогда раньше не видел лица, которое сейчас пристально смот-

рело на него, но почувствовал нечто знакомое в его чертах, сам не понимая, почему у него возникло это ощущение. А еще он уловил в выражении глаз мужчины то, с чем был знаком даже слишком хорошо. В серых глазах незнакомца отражался голод, постоянно обитающий в самых темных уголках не знающей покоя души. Маркус заметил огонь, бушующий внутри этого человека, и знал, что никакая еда или выпивка не смогут утолить его жажду или приглушить аппетит. Такой же голод он видел много лет назад в ту ночь, которую никак не мог забыть. Он прибавил звук.

– Акерман подозревается в недавнем жестоком убийстве трех человек, включая двух офицеров полиции штата Колорадо. Однако эта история получила неожиданное извращенное продолжение. Акерман, по всей видимости, взял в заложники членов семьи одного из полицейских и заставил их играть с ним в садистскую игру. Вот что сказал по этому поводу на пресс-конференции представитель полиции Колорадо майор Кристиан Стейнхофф.

На экране возникло изображение мужчины, который поделился деталями преступлений, описав граничившее с чудом спасение одной из жертв – женщины по имени Эмили Морган. Фото женщины тут же показалось на экране. Ее белая кожа, казалось, светилась изнутри.

– Фрэнсис Акерман-младший, по всей видимости, вооружен и представляет большую опасность. Предполагается, что он совершил множественные зверские убийства, после того как ему удалось сбежать из психиатрической больницы тюремного типа в штате Мичиган. Точное число его жертв пока не установлено. Он находится в розыске еще по нескольким расследуемым сейчас делам. В интервью, данном вчера вечером нашему корреспонденту Джулиану Хармсу, представитель департамента шерифа округа Диммит заявил, что Акерман, по всей вероятности, войдет в историю как убийца с самым большим числом жертв в США... К другим новостям. Кандидат в президенты и лидер в предвыборной гонке Пол Филипс выступит в Сан-Антонио...

В последний момент, прежде чем политика вытеснила криминальные новости, Маркус почувствовал безотчетный страх и в то же время любопытство, вызванные телевизионным сообщением о серийном убийце. *Что заставляет человека совершать столь жестокие преступления?* Уже в который раз он подумал, что окружающий мир представляет собой океан бесчисленных случайных событий. Самые разные обстоятельства могли вынудить обычного человека оставить мир психически здоровых, законопослушных людей, чтобы погрузиться в пучину криминального безумия.

Он подумал о том, что когда-нибудь уже в недалеком будущем ученые смогут установить причину появления серийных убийц и жестоких грабителей, которая не будет связана с несчастным детством или адскими наваждениями. Возможно, корни безумия таятся в желтом красителе номер пять или красном красителе номер сорок, какие можно обнаружить в обычных кексах «Твинки».

Мысль о связи сумасшествия с любовью к «Твинки» заставила Маркуса улыбнуться и позволила ему отвлечься, перестать думать о показанном по телевизору убийце, как и о темных страницах собственного прошлого – пусть и совсем не надолго.

* * *

Выключив телевизор и перейдя на террасу, Маркус решил, что настала пора осмотреть крупную ферму, унаследованную им от тетушки Эллен. Насколько он знал, она сама едва ли вообще ее посещала, не говоря уже о том, чтобы на ней поселиться. Эллен вырастила Маркуса после убийства его родителей. Согласно приписке в тексте завещания, ранчо всегда оставалось для нее несбыточной мечтой. Теперь оно стало мечтой для него – началом новой жизни.

Сидя на передней террасе дома, он с восхищением разглядывал утреннее небо. Интересно, подумал он, смотрел ли на него с таким же чувством кто-то еще? Было ли это чудом,

дарованным им Создателем, или же скорее напоминало великолепное и бесценное произведение искусства, надежно спрятанное, забытое и никогда уже не притягивающее к себе любопытных глаз? Впервые за долгое время он ощутил покой.

Но этот покой оказался мимолетным. Настороженность мурашками пробежала по спине, и ощущение мира с самим собой рассеялось как мираж. *Я не один. За мной кто-то наблюдает.*

Страх холодными пальцами сжал его тело, но он постарался его прогнать. Такой мужчина, как он, не должен бояться. Он должен быть сильным, защитником, а не жертвой. Ему следовало больше походить на пастуха, а не на овцу. Но это была наихудшая из разновидностей страха – угроза, не имеющая определения. Он никогда не боялся опасности, которую видел и с которой мог сразиться. По-настоящему его пугала только неизвестность.

Поневоле Маркус вспомнил глаза показанного по телевизору хищника. Фрэнсиса Акермана-младшего. Он постарался убедить себя, что безотчетный страх стал всего лишь результатом работы его воображения, однако интуиция бывшего полицейского убеждала в обратном.

Ему показалось, что краем глаза он уловил движение, но быстрый взгляд не обнаружил никаких признаков преследовавшего его чудовища. Тысячи вопросов мгновенно промелькнули в его сознании. *Какие методы использует убийца? Носит ли он с собой пистолет?* Опыт подсказывал ему, что преступники, подобные Акерману, не получают того же удовольствия, убивая своих жертв из пистолета, как орудуя ножом или даже голыми руками. Это могло пойти ему на пользу, хотя далеко не всегда оказывалось справедливым.

Маркус рассудил, что, оставаясь начеку и дожидаясь ошибки со стороны маньяка, он наилучшим образом осуществит свой план. Как известно, защита безопаснее нападения. Вот только он ненавидел защищаться. Он всегда предпочитал действовать, а не реагировать на чужие действия, но лишь в том случае, если его действия были основательно продуманы.

Ему послышался какой-то шум справа. Но его сердце билось с такой силой, что он подумал, не исходит ли этот звук из его собственной грудной клетки. Он продолжал наблюдать. Он ждал.

Прошло несколько минут, но ничего не произошло. Он почувствовал себя глупцом. Возможно, единственная реальная опасность заключается в надвигающейся на него угрозе синдрома одиночества. В конце концов, он вырос в таком месте, где рядом всегда были люди. А теперь впервые в жизни остался совершенно один.

Маркус отогнал от себя еще не до конца покинувший его страх и решил продолжить запланированный осмотр. Повернувшись в сторону горизонта, он увидел в некотором отдалении небольшой холм, который мог стать отличной точкой для обзора, хотя бы частичного, его новых владений.

Поднявшись на холм, он сел и прислонился к отдельно росшему дереву, воспользовавшись сухой землей и древесным стволом как импровизированным креслом. Оглядывая равнину южного Техаса, он впервые понял, почему ее называют божьей страной. Не просто потому, что только Бог мог создать такую красоту, но еще и потому, что, вздумай он сейчас закричать изо всех сил, один лишь Бог смог бы услышать его крик.

Воспоминание о смерти тетушки тихо проникло в его сознание и бросило тень на вновь обретенный им покой. Она ушла, но не была забыта. Она не могла больше смеяться или плакать, ощущать радость или боль, то есть все то, что свидетельствует о реальном существовании человека. Но он почему-то не мог смириться с тем, что никогда ее не увидит. Не сможет сказать ей, как много она значила для него. Никогда не проснется от чудесных запахов блинов и бекона – по крайней мере, таких вкусных блинов, какие она пекла для него. Никогда больше не попросит у нее совета или помощи, чтобы получить в ответ крупинцы ее мудрости, которые облегчали ему бремя прошлого и даровали его измученной душе несколько минут умиротворения.

Или же он все-таки с ней встретится? На это у него не было окончательного ответа. Он верил в рай и в ад, не сомневаясь, что в этот самый момент его тетушка пекла свои знаменитые блины для божественного создателя небес и тверди земной. Он только не был уверен, что сможет увидеть ее чудесный новый дом, подозревая, что его собственный конечный пункт назначения окажется другим.

Маркус взял в руку сухую почву и сжал ее. Потом разжал пальцы и позволил ветерку унести землю с ладони. Когда ветер подхватил землю, он почти физически ощутил хрупкость своей жизни, как и всего живого, обитавшего на этой планете. Он понимал, что так уж устроен мир: все появляется в руках Создателя, проживает всего секунду в глазах Отца Времени и сдувается ветром, чтобы потом снова вернуться в землю.

* * *

Мужчина в темной рубашке издали наблюдал за Маркусом, потом опустил бинокль. Некоторое время назад слежка за новой жертвой едва не закончилась для него столкновением, когда он понял, что Маркус почувствовал его присутствие. Встревоженное выражение промелькнуло на лице молодого человека. А ведь он был уверен, что либо вообще не создавал шума, либо этот шум был едва слышен. Но каким-то образом Маркус почувствовал, что он здесь. Тогда он прекратил всякое движение и застыл на месте, оставаясь невидимым.

Наблюдая за Маркусом, он заметил в его глазах то же выражение, какое видел в зеркале у самого себя, угадал в нем душу хищника и инстинкты убийцы. Он сверился с часами. Пора уходить. У него появилось предчувствие, что игра скоро начнется. И ему нужно быть к ней готовым.

Глава 5

Маркус тоже посмотрел на часы и пришел в замешательство. Он провел в спокойном созерцании значительную часть дня, а ему казалось, что прошло всего несколько минут. За всю свою жизнь он ни разу не остановился, чтобы насладиться ароматом роз, никогда не тратил время на то, чтобы просто расслабиться. Теперь у него была такая возможность, и это давало ему ощущение свободы.

Он встал, отряхнул джинсы и продолжил обход – пересек обширный луг, поросший высокой пожухлой травой, и взошел еще на один холм. С его вершины он увидел в отдалении другой фермерский дом и почувствовал облегчение при мысли, что его владелица живет значительно ближе, чем он думал. Мэгги сказала ему, что его единственной соседкой была добрая пожилая женщина, у которой умер муж. Он постарался вспомнить имя. Марша... Марджори... Морин. Да, точно, ее звали Морин Хилл.

С такого расстояния невозможно было рассмотреть детали дома. Он был белым и двухэтажным – это все, что он смог увидеть. Маркус снова перевел взгляд на часы. Из-за намеченных ранее дел у него не оставалось времени на визит к Морин. Он вернулся домой, привел себя в порядок и поехал в ставший для него теперь почти родным город Ашертон.

* * *

Помощник шерифа постучал в резную дубовую дверь кабинета своего босса.
– Войдите, – донесся голос из-за двери.

Изысканная обстановка департамента шерифа поразила Маркуса. Тончайшая резьба по дереву, мягкие обитые натуральной кожей кресла, успокаивающие тона краски на стенах – все это казалось копией интерьера юридических фирм Нью-Йорка. Совсем не то он ожидал увидеть в приемной шерифа провинциального городка. Но, по правде говоря, он никогда раньше не бывал в таких заведениях, и единственным источником информации на сей счет для него оставалось телевидение. А он был достаточно умен, чтобы не принимать на веру все, что показывают по телевизору.

Он вошел в кабинет, и помощник закрыл за ним дверь. Шериф сидел за прекрасным письменным столом красного дерева и смотрел что-то вроде фильма на мониторе своего компьютера. Он даже не повернулся, чтобы поздороваться с Маркусом. Он словно был под гипнозом. Заинтригованный, Маркус обогнул угол стола, чтобы посмотреть на дисплей.

Но стоило ему это сделать, как его взгляду открылась поверхность стола. Бумаги и папки образовывали аккуратно уложенные стопки. Он заметил в одной из стопок папку со своей фамилией на корешке. *Потрясающе. Я всего второй день в городе, а они уже завели на меня досье.* Маркус быстрым взглядом пробежал другие документы. Ничего важного. Папки, помеченные именем «Фрэнсис Акерман-младший». Приглашительный билет на аукцион, на котором изображен двухэтажный белый дом. Несколько бюрократических формуляров, неизбежно наводивших тоску на большинство полицейских. Он вспомнил, как проводил за написанием рапортов часы, которые можно было провести на улицах, служба и защита. Но ведь это тоже часть работы копа.

Затем он перевел взгляд на монитор компьютера. Хрупкого сложения мужчина в очках занимал весь экран и что-то говорил спокойным, даже тихим голосом. При виде этого человека на Маркуса нахлынуло ощущение дежавю. Лицо и глаза говорившего мгновенно вызвали воспоминание, хранившееся где-то в глубине его сознания, но зернистое изображение и угол съемки не давали деталей, необходимых для полного узнавания. Видео напоминало запись клинического испытания.

– Сегодня мы собираемся воспроизвести травматическое событие из жизни Альберта Де Сальво, больше известного как Бостонский душитель. Я задокументировал точную процедуру в своих дневниках и буду записывать на видео все происходящее от начала до конца. В течение следующей недели я буду наблюдать за реакцией мальчика на упомянутое событие и проводить поведенческие тесты, прежде чем перейти к следующему эксперименту.

Мужчина, которого Маркус посчитал доктором или психиатром, протянул руку и остановил запись. На экране промелькнула вспышка, а потом лицо доктора сменило изображение комнаты с белыми стенами, в которой находились только койка и унитаз. На койке сидел подросток, отрешенно уперев взгляд в стену. Спустя мгновение дверь комнаты открылась, и в нее вошел доктор.

– Здравствуй, Фрэнсис, – сказал доктор. – Мы с тобой сейчас сыграем в одну игру.

Шериф потянулся и нажал одну из кнопок на клавиатуре компьютера. Изображение на экране застыло, а от взгляда на лицо подростка по спине Маркуса побежали мурашки. Выражение неприкрытого страха исказило черты этого почти ребенка, напомнив Маркусу одну из иллюстраций к описанному Данте аду. На рисунке демон терзал душу человека, выражение лица которого было идентично выражению лица подростка. Он подумал, насколько сцена, увиденная им сейчас, напоминала ту картину.

– Кажется, меня сейчас стошнит, – произнес шериф чуть слышно.

– А что вы смотрите?

Шериф только сейчас заметил вошедшего и сказал:

– Привет, Маркус! И куда подевались мои хорошие манеры? Пожалуйста, присаживайся. – И он жестом указал на одно из кожаных кресел, стоявших перед его столом.

Маркус сел и снова спросил:

– Что это было?

Шериф помотал головой, и отвращение исказило его лицо.

– Это запись, которую мне только что прислал приятель из отдела поведенческого анализа ФБР. У них накопилось много часов подобных записей. В бюро их называют записями Акермана. Не знаю, слышал ли ты об этом, но есть подозрения, что Фрэнсис Акерман-младший сейчас находится где-то в нашем районе. Мы, разумеется, не можем быть ни в чем уверены, но я связался с моим давним другом и попросил прислать побольше информации. Надо быть наготове на всякий случай. На самом деле это очень интересная история. Как бы то ни было, я хотел, чтобы ты заглянул ко мне и мы смогли бы...

– Что за интересная история?

– Про Акермана. Ты наверняка видел это в новостях, не так ли?

– Я редко смотрю телевизор. Я скорее любитель книг и кино. А если и смотрю, то при появлении в новостях сообщения об убийстве обычно переключаюсь на другой канал.

– В самом деле? Хорошо, если коротко, Фрэнсис Акерман-старший был извращенцем. Второразрядным профессором психологии. Его теории и публикации по большей части игнорировались медицинским сообществом. Его главная теория сводилась к тому, что убийцами становятся, а не рождаются, что они – порождение своего окружения. Он обвинял общество в создании этих монстров. Я не психолог, не психиатр или кто-то в этом роде, но я знаю, что, по мнению большинства ученых, в основе жестоких преступлений и других гнусных поступков лежит комбинация двух факторов. Определенные условия среды вызывают реакцию у людей с генетической предрасположенностью. В конце концов, ведь не все люди, перенесшие в детстве травматические события, становятся серийными убийцами. И далеко не у всех убийц было трудное, травмировавшее их душу детство.

– Но разве не то же ФБР некоторое время назад обнародовало результаты исследования, показавшего, что приблизительно три четверти убийц пережили в детстве то или иное насилие?

Шериф кивнул.

– Ты явно не каждый раз переключаешься на другой канал. И ты совершенно прав. Природа против воспитания – это стало темой горячих дебатов среди ученых, занимающихся исследованием поведения и развития личности. У каждой из сторон есть свои веские аргументы. Вот, наверное, почему большинство экспертов поддерживают теорию о комбинации множества факторов. Акерман-старший так отчаянно стремился к славе, что решил: единственный способ доказать правоту своей теории заключается в проведении реальных экспериментов на ребенке – на его сыне.

– Что? Он захотел доказать, что может свести с ума собственного сына?

– Это именно то, чем он начал заниматься. Хотел доказать, что может взять нормального ребенка и вырастить из него психопата. Закрой глаза на мгновение. Вообрази себя маленьким мальчиком. Затем подумай о каждом плохом событии, которое, возможно, когда-либо происходило в жизни очень плохих людей. О трагических происшествиях, превративших их в монстров. О насилии, физическом и психологическом. О пытках, о смерти. Обо всем том, что, как ты считаешь, ни один ребенок никогда не должен видеть или испытывать. А теперь представь, что все это произошло с тобой.

Маркус медленно открыл глаза.

– О боже, – прошептал он. – Но это способно лишить рассудка любого. А потому ничего не доказывает.

– В том-то и заключается самое страшное. Акерман-старший считал, что его эксперименты дадут представление о том, что творится в сознании убийц, и в конечном счете спасут от смерти многих людей. Он надеялся, что его труды покажут путь к разработке методов лечения патологического поведения. Он желал стать героем. Конечно же, он понимал, что все будут шокированы и придут в ярость, когда узнают, что он сделал, но он планировал отправиться за границу и продолжить работу там, после того как опубликует свои открытия. Он намеревался создать зловещего убийцу, а затем исцелить его. Но когда о его исследованиях стало известно, они, как ты справедливо отметил, ничего не доказали. Его лишь признали очень плохим психологом.

– Я бы сказал, что он гораздо хуже, чем просто плохой психолог. У любого, кто проделает такое с собственным сыном, явно у самого не все дома.

– В точку. Он хотел подтвердить теорию воспитания, но в конечном счете добавил достоверности природной теории. Многие психологи пришли к выводу, что Акерман-старший сам изначально был не в себе и просто передал свой психоз сыну по наследству. Как бы то ни было, его ребенок прошел через настоящий ад без особой на то причины.

– А разве особая причина вообще существует?

– Я считаю, нет.

– Что же в итоге произошло с отцом?

– То же, что происходит с любым сумасшедшим ученым. Его создание повернулось против него.

На мгновение в кабинете повисла гнетущая тишина.

– Потрясающая история, – произнес Маркус.

– Верно, но это только ее начало. Теперь нам приходится иметь дело с чудовищем, которое он породил. Добрый доктор хотел доказать, что сможет создать убийцу, и преуспел в этом. Его сын войдет в историю как один из самых одиозных и омерзительных персонажей. – Шериф вперил взгляд в нечто, видимое ему одному. – Он очень умен и играет в свои тщательно продуманные игры, но в то же время он неосторожен. Убивает случайно подвернувшихся под руку людей. По крайней мере, такое складывается впечатление. Его не волнует, поймают его или нет. Его можно отнести к смешанной категории убийц, то есть к тем, кто придерживается одновременно как четкой организации преступлений, так и совершенно спонтанных, неорганизованных действий. Разумеется, это часть используемой ФБР системы классификации неизвест-

ных субъектов. Но даже если мы будем использовать методы Холмса и Де Бургера, которые классифицировали убийц по мотивам их преступлений, он все равно останется в смешанной категории. Он – убийца-гедонист, получающий наслаждение от самого процесса убийства, и одновременно властолюбивый убийца, чей основной мотив заключается в полном доминировании над жертвой.

После паузы шериф продолжил:

– Он представляет собой загадку и для психиатров. Прежде чем он сбежал, доктора долго возились с ним, пытаясь найти ответы на многие вопросы. Страдает ли он нарциссизмом? Он подлинный социопат или нет? Переживает ли он какие-либо эмоции или они у него полностью отсутствуют? Знакомо ли ему чувство раскаяния? Да что там говорить: некоторые даже считали Акермана шизофреником. Во время занятий с ним доктор мог прийти к одному заключению, а следующий на основе реакций Акермана вел исследование уже в совершенно ином направлении.

– Мне начинает казаться, что он их дурачил.

– Вполне возможно, но один из мозгоправов выдвинул другую теорию. Этот доктор – я все время забываю его фамилию – просмотрел все видеозаписи, сделанные Акерманом-старшим. Он заметил, что в конце концов мальчик стал тем, кого хотел сделать из него отец. Если папочка хотел, чтобы он убивал, он превращался в убийцу. Если хотел лишить его всяческих эмоций, мальчишка подавлял свои чувства и обращался в камень. Этот доктор посчитал, что Акерман просто был запрограммирован на то, чтобы подсознательно и интуитивно становиться тем, кого хотели видеть в нем врачи. Если исследователь желал доказать, что он не испытывал раскаяния, он ни в чем не раскаивался. По крайней мере, внешне. И наоборот. Вот почему его случай так интересен. В действительности он человек, который не принадлежит самому себе. Он часто имитирует других убийц, и не только тех, кто реально существует, но и созданных поп-культурой. Может даже сложиться впечатление, что он убивает не для самого себя. Он словно старается дать миру то, что люди желают получить от свихнувшегося убийцы. Он играет ту роль, которая, как ему представляется, написана для него.

Маркус ненадолго задумался над этим, а потом, желая сменить тему разговора, сказал:

– Не обижайтесь на мои слова, но, как мне кажется, для простого шерифа вы слишком много знаете о серийных убийцах.

Шериф рассмеялся.

– В другой жизни я был агентом ФБР по особо важным делам. И служил в отделе поведенческого анализа. Любил свою работу, но у меня оставалось слишком мало времени на воспитание дочери, а это было почти таким же призванием, как и служба. Вскоре после того как... умерла жена, здесь открылась вакансия, и я занял этот пост. Он позволяет мне бывать дома почти каждый вечер. И все сложилось как нельзя лучше. Я ничуть не сожалею о прошлом.

Маркус отметил про себя, что шериф сам заявил об отсутствии сожалений, даже не дождавшись наводящего вопроса. Ему стало любопытно: кого шериф хотел в этом убедить – своего гостя или самого себя?

Шериф подвел черту.

– Вот тебе моя история. А теперь почему бы тебе не поведать мне свою?

– Так и рассказывать особенно нечего. Я родился и вырос в Нью-Йорке. Служил детективом в отделе по расследованию убийств. Работа мне не особенно нравилась. Потом скончалась моя тетушка, и я унаследовал от нее небольшое ранчо неподалеку от этого города.

– Ты слишком молод для должности детектива, тебе самому так не кажется?

Маркус пожал плечами.

– Многие коллеги говорили обо мне то же самое.

– Гм... Но явно не все.

– Что вы имеете в виду?

– Я сделал несколько телефонных звонков и поговорил с одним из твоих бывших шефов. Маркус напрягся. Это не сулило ничего хорошего.

Шериф помедлил, словно желая узнать его реакцию.

– Джентльмен, с которым я общался, сказал, что ты был хорошим офицером и блестящим детективом.

– В самом деле? – Маркус постарался скрыть удивление, но понял, что ему это совсем не удалось.

– Ты ему нравился, как нравишься и моей дочери. Для меня этого вполне достаточно. Не волнуйся. Я не стану разглаживать на тему «попробуй разбить сердце моей маленькой дочурке». Она уже вполне взрослая и может постоять за себя. Я просто хотел воспользоваться случаем, чтобы узнать тебя получше и сказать: добро пожаловать в Ашертон. Ты мне кажешься хорошим парнем, а драка у бара явно произошла не по твоей вине. Но только здесь не Нью-Йорк. Я представитель местного закона и порядка. Не ввязывайся ни во что, и мы с тобой прекрасно поладим. Ты уже написал заявление о том, что произошло вчера вечером?

– Да, сэр. Ваш помощник позаботился об этом.

Шериф поднялся с кресла.

– Хорошо, но если тебе что-то понадобится, просто сообщи мне об этом. Вероятно, мы сможем пообщаться позже, а сейчас мне необходимо вернуться к работе. – Шериф протянул Маркусу руку, и тот пожал ее. – Спасибо, что заглянул ко мне.

Маркус встал и направился к двери. Когда он уже был готов перешагнуть порог кабинета, шериф сказал:

– И еще одно, Маркус. Только попробуй разбить сердце моей маленькой дочурке!

Глава 6

Мэгги вымыла руки с мылом. За последние тридцать минут она повторила эту процедуру пять раз, что превышало ее обычную норму. Она не боялась бактерий или грязи. Просто у нее возникала потребность мыть руки и быть уверенной, что все вещи находятся на своих местах. Она подумала, что ее преподаватели психологии объяснили бы такое поведение небольшим дисбалансом серотонина в ее мозгу, но она никогда не пыталась лечиться. Подобные импульсы никак не влияли на ее повседневную жизнь. Она умела подавлять их, но всегда замечала, что они – особенно желание вымыть руки – усиливались, когда она нервничала.

Мэгги вытерла руки и уставилась на свое отражение в зеркале. Потом глубоко вздохнула и помыла руки в шестой раз.

Она вышла из ванной комнаты при «Магнолии» и направилась в кухню. Там она застала Алексея, владельца булочной и пекарни, который готовил лапшу на ужин ей и Маркусу. Двое малышей, мальчик и девочка, крутились у него под ногами, то и дело принимаясь стучать по кастрюлям и сковородкам.

– Мои милые матрешки, уймитесь, пожалуйста. Ваша мама дала вам газировки, прежде чем уйти? – И Алексей негромко пробормотал что-то еще по-русски.

Мэгги улыбнулась.

– Хочешь, я избавлю тебя от них? Развяжу тебе руки?

– Что значит «развяжу тебе руки»? – Он погладил ладонью свою лысую макушку. – Я уже все приготовил. А тебе самой разве не нужно подготовиться?

– Я готова как нельзя лучше, – ответила она с легкой дрожью в голосе.

Алексей отставил машинку для приготовления лапши и поднял брови.

– Нервничаешь?

– Не очень.

– Дай-ка я посмотрю на твои руки.

Мэгги закатила глаза, но все же вытянула руки перед собой. Алексей провел пальцами по ее коже и понюхал ладони.

– Сколько раз ты их мыла за последний час?

– Я в полном порядке. На самом деле я не так уж и нервничаю.

– Мэгги, ты вся трясешься. Если ты не нервничаешь, то я – президент Соединенных Штатов. Успокойся, возьми себя в руки. Просто будь сама собой. И этому парню не останется ничего другого, кроме как влюбиться в тебя по уши.

Свидание не было единственной причиной ее нервозности, но она не могла поделиться этим с Алексеем.

– Спасибо, мистер президент, но со мной все хорошо, правда. – Она посмотрела вниз, на детей, по-прежнему возившихся у его ног. – Я заберу малышку наверх. Надеюсь, они помогут мне провести небольшой эксперимент. А ты сконцентрируйся на приготовлении ужина.

– Как прикажете, моя дорогая Магд...

Она прижала палец к его губам.

– Не нужно мне было тебе рассказывать. Пойдемте со мной, ребятки. – Она взяла детей за руки и повела к выходу из кухни.

Алексей усмехнулся.

– Мне кажется, это красивое имя.

Но она ничего ему не ответила.

* * *

Маркус поднимался по лестнице нарочито медленными, размеренными шагами. Прошло уже достаточно много времени с его последнего настоящего свидания – или, по крайней мере, такого, когда ему были безразличны его последствия. Он совершенно забыл о бабочках, хотя знал, что многие люди чувствуют трепыхание их крылышек в животе в моменты нетерпеливого и взволнованного ожидания, – его же бабочки обладали крылышками острыми, как лезвие бритвы.

Услышав шаги, Маркус посмотрел вверх, но лицо, которое он увидел, не принадлежало человеку, которого он предполагал встретить. Ему навстречу с улыбкой шел Эндрю Гаррисон, владелец местного агентства недвижимости.

– Добрый день. Маркус, если не ошибаюсь?

Он уже встречался с Гаррисоном, когда забирал ключи от ранчо, и тот держался довольно сердечно, но было в его глазах нечто, не вполне соответствовавшее его манере, – излишне пристальный взгляд. Голову Гаррисона украшали светлые, песочного оттенка волосы, он обладал стройным атлетическим телосложением. Интересный мужчина. Маркус ощутил укол ревности и легкое подозрение, увидев Гаррисона спускавшимся по ступенькам от Мэгги, но поспешно отогнал эти эмоции, поскольку у него не было ни права, ни оснований их испытывать.

– Совершенно верно, – ответил он.

– Я слышал о том, что случилось вчера вечером. Не стоит ни о чем беспокоиться. Когда я только переехал сюда, Глен и мне пытался осложнить жизнь. Но, как сами понимаете, большинство здешних обитателей совсем не похожи на него.

– Вы нездешний, насколько я понимаю?

– Да, я работаю здесь всего пару месяцев. Прекрасное место. Пусть мои комиссионные не столь велики, как в большом городе, но и стоимость жизни здесь ниже, так что одно уравновешивает другое.

Когда они встретились на лестнице, Маркус поборол в себе желание занять на ступеньках как можно больше места. Он распознал в этом инстинкт доминирования, сохранившийся с более примитивного этапа развития человечества. Он всегда старался преодолевать подобные позывы, поэтому предоставил Гаррисону три четверти лестничного пространства.

– Прошу прощения. Хорошего вам вечера, – сказал Гаррисон, проскальзывая мимо него.

Маркус кивнул и продолжил подъем. Постучал в дверь квартиры Мэгги, и она пригласила его войти. Когда он вошел, ее голос донесся откуда-то из холла:

– Присаживайся. Я буду готова через секунду.

Он направился к дивану, на ходу разглядывая квартиру. Изучая обстановку, Маркус пытался не использовать против хозяйки свой аналитический ум, но ничего не мог с собой поделать. Инстинкты полицейского все еще были сильны в нем, и он почувствовал: что-то здесь не так. Уже через мгновение он понял, что именно. Ему бросилось в глаза не то, что присутствовало в обстановке, а то, чего в ней не было.

Он заглянул в кухню и в коридор, где обнаружил то же самое. Нигде не было видно ни одной фотографии – никаких семейных портретов, никаких памятных снимков пикников или солнечных дней на пляже. Жилое пространство было со вкусом декорировано, но казалось холодным и отстраненным.

Еще он заметил отсутствие пыли. После более близкого осмотра он пришел к выводу, что любой уголок жилища Мэгги с легкостью выдержит проверку белой перчаткой. Более того, каждую картину или предмет отличала безукоризненная симметрия. Ничто не висело и не стояло криво. Все было превосходно сбалансировано.

Впрочем, это еще ничего не значило. Он даже не видел еще всей квартиры, но тем не менее этот фрагмент мозаики отложился у него в памяти. Каждое расследование состояло из подобных фрагментов. Он закрыл глаза и мысленно отругал себя. *Это не расследование, а ты больше не полицейский. Расслабься и отключись.*

Когда же его глаза открылись, он отпрыгнул назад от неожиданности и изумления. Двое маленьких детей стояли всего в футах от него и смотрели снизу вверх широко открытыми любопытными глазенками. *Дети Мэгги?*

– Вы смотрели «Мама Лоуд»? – спросил мальчик.

Маркус быстро заморгал.

– Я... Нет, не думаю.

– Я тоже, но очень хочу посмотреть. Дедушка обещал меня сводить.

Маркус поинтересовался:

– Что такое «Мама Лоуд»?

– Ну, знаете, там еще Дэви Крокетт убил медведя, когда ему исполнилось всего три года.

Маркус рассмеялся, но мальчик не видел в этом ничего смешного.

– Ты хотел сказать «Аламо»³.

– А я так и сказал: «Мама Лоуд».

Маркус присел на корточки и протянул мальчугану руку.

– Меня зовут Маркус. А тебя?

Ребенок пожал его руку так, словно они только что заключили сделку.

– Я – Алекс, а это моя младшая сестра Эбигейл. Вы знаете, почему акулы не могут спать?

– Я... Нет...

* * *

Мэгги снова помыла руки. Она уже давно была готова к встрече, но решила провести небольшой эксперимент. Ей всегда казалось, что дети наиболее точно угадывают характер человека, а реакция на них мужчины дает возможность лучше судить о его личности. Она посмотрела на часы. Прошло уже пять минут с тех пор, как она выслала вперед свое «войско», и ей казалось, что Маркус уже прошел достаточную проверку.

Подойдя к гостинной, Мэгги не услышала топота и криков двух гиперактивных детей. Стояла полная тишина. Она выглянула из-за угла и увидела, что Маркус сидит на диване, а малыши расположились у него на коленях и с восторженным вниманием слушают то, что он вещает им странным горловым голосом. Он сейчас больше напоминал Йоду, чем персонажа «Улицы Сезам», но за одну только эту попытку Мэгги готова была поставить ему пять с плюсом.

– Я – очаровательный мохнатый Гровер, чудище, которое появляется в конце этой книги. А вы меня боитесь. Вам очень-очень СТРАШНО! Хотя я все время твержу вам, что бояться нечего... О, мне так стыдно! На этом конец.

– Еще! Еще!

– Хорошо, в самый последний раз.

– Ладно, детишки, – сказала Мэгги, – вам пора вниз.

– Но мы хотим остаться с тобой и Маркусом.

Она украдкой ему улыбнулась.

– Простите, ребята, но сегодня вечером Маркус всецело принадлежит мне.

Когда они поднялись и вышли из комнаты, Маркус спросил:

³ Имеется в виду фильм о легендарной защите Аламо от мексиканских войск в 1836 г. Дэви Крокетт вошел в историю как один из главных ее героев.

- Твои?
- Боже милостивый, конечно же нет. Наш шеф-повар сегодня вечером присматривает за внуком и внучкой, и я предложила ему помочь, пока он готовит нам ужин.
- Вот как.
- Вздохнул с облегчением или разочарован?
- Он немного помедлил, прежде чем ответить:
- И то, и другое понемногу, мне кажется.

* * *

- Когда они ели, Мэгги внимательно посмотрела на Маркуса и заметила аномалию.
- У тебя глаза разного цвета.
 - Верно, но большинство людей этого не замечают. Считается, что глаза у меня серо-зеленые, хотя правый наполовину карий. Это называется секторальной гетерохромией.
 - Это какая-то болезнь? Не заразная, надеюсь?
- Он рассмеялся.
- Она может быть связана с определенными синдромами, но не думаю, что у меня присутствует хотя бы один из них. Это может также означать, что в утробе матери я поглотил своего близнеца. Это называется химеризмом. В таком случае я теоретически мог бы обладать различными наборами ДНК в разных частях тела. Но и этого у меня нет. Кроме того, я где-то вычитал, что некоторые считают такую аномалию признаком происхождения от шведской королевской семьи или чего-то в таком роде. Но лично я считаю себя простым парнем с прикольным цветом глаз.
 - Я сразу сказала, что ты странный.
 - Не собираюсь с тобой спорить. А как насчет тебя? У тебя есть странности?
- Она аккуратно отложила в сторону столовые приборы и сложила салфетку в безупречно симметричный квадрат.
- Нет. Я абсолютно нормальна во всем.
- Он усмехнулся.
- Никто не может быть абсолютно нормальным.
 - А я могу.
 - В самом деле? У тебя разве нет легкой одержимости?
- Она открыла было рот, но решила не отвечать сразу и лишь после паузы спросила:
- Почему ты это говоришь?
 - Я внимательный наблюдатель. Твоя квартира содержится в безукоризненной чистоте. Нет ни одной картины или другого элемента декора, которые бы находились не на своем месте. Все вещи превосходно сбалансированы между собой. Когда ты ешь, ты отрезаешь кусочки одинакового размера. Следишь за тем, чтобы столовые приборы, которыми ты не пользуешься, лежали строго параллельно друг другу. Свою салфетку сложила в правильный квадрат. А когда добавляла подсластитель в чай, выровняла этикетки на двух пакетиках, прежде чем их открыть. Ты даже вернула один на место, заметив, что он длиннее другого.
- Она почувствовала себя совершенно голой, сидя перед ним. Хотела что-то сказать, но передумала и молча смотрела на стол.
- Маркус протянул руку и положил свою ладонь поверх ее.
- Нет ничего плохого в желании сделать свой мир упорядоченным и имеющим смысл.
 - Да, но мои импульсы как раз не имеют смысла. Они иррациональны. У меня нет особой причины поддаваться им. Я просто чувствую, что именно так все должно быть устроено. Большинство людей ничего такого не замечают, а я стараюсь это скрывать. Но у меня самой возникает чувство, что я с приветом.

– Но для тебя все это имеет смысл?

– Что ты имеешь в виду?

– Разве все, что ты делаешь, не имеет смысла лично для тебя? Каждый из нас видит окружающий мир по-своему. У всех нас свои особенности... свои пунктики. Приведу пример. Я всегда стараюсь сесть лицом к двери. Всегда знаю, что у меня за спиной. Когда вхожу в незнакомую комнату, первым делом сканирую ее, чтобы узнать, где находятся входы и выходы. Рассматриваю варианты использования оружия в данном пространстве. Проигрываю в уме ситуацию, когда вдруг кто-то войдет в комнату с пистолетом. Где наилучшее место для укрытия? Как обойти с фланга бандита, который войдет вооруженным? И все такое прочее. Кто из присутствующих в комнате может представлять угрозу? Кто потенциально может быть вооружен? Что в комнате находится не на своем месте? Что отсутствует? Все это вертится в моей голове всякий раз, когда я куда-то вхожу. Некоторые назвали бы это полицейским чутьем или привычкой. Я же считаю проявлениями паранойи.

Маркус сжал ее руку, и она встретилась с ним взглядом.

– У меня нет какой-то явной причины делать все это, – продолжил он. – Никто на меня не охотится. У меня нет врагов. Даже в Нью-Йорке мне никогда не доводилось оказаться в ресторане, где кто-то начинал стрелять. Быть может, когда-нибудь мои привычки спасут мне жизнь, но скорее всего такого не произойдет. По всей вероятности, я никогда не окажусь в подобной ситуации. Но я ничего не могу с собой поделать. Это глубоко укоренилось в моей натуре.

Ее лицо просветлело.

– Спасибо тебе.

– За что?

– За то, что ты даже более странный, чем я.

Они дружно рассмеялись, и бабочки у нее в животе наконец успокоились. Когда с ужином было покончено, она убрала со стола и предложила показать ему Ашертон. Городок был невелик, и экскурсия оказалась непродолжительной. Мэгги старалась жить сегодняшним днем и наслаждалась вечером с Маркусом, но ее мысли продолжали блуждать. Она не могла не думать о том, что должно было вскоре произойти.

– Хочешь, я представлю тебя твоей соседке? Она чудесная пожилая леди.

– Отличная идея.

Она миновала границу города и направила машину в сторону дома Морин Хилл. Некоторое время они ехали молча, потом Маркус спросил:

– А где ты работаешь, Мэгги? Ты помогала обслуживать клиентов в баре, когда мы познакомились, но есть ли у тебя дневная работа? И между прочим, Мэгги – это сокращенное от какого имени?

Второй вопрос она проигнорировала.

– Я работаю в агентстве «Недвижимость Гаррисона».

– Вот как? О'кей.

Мэгги что-то уловила в его голосе. Понимание? Облегчение? На секунду она задумалась, а потом продолжила:

– Я буду работать там, пока не получу диплом психолога. Хочешь верь, хочешь нет, но одно время я занимала должность одного из заместителей отца, но только... Только ничего хорошего из этого не вышло. Хотя я рассматривала возможность остаться в правоохранительных органах. Даже собиралась подать заявление в ФБР.

– Мне бы не хотелось нарушать правил второго свидания, но у тебя с отцом, как мне показалось, немного напряженные отношения.

– Можно сказать и так. Мой отец хороший человек, но у него... Как ты верно заметил, у него есть свои особенности. А как насчет твоих родителей?

На его лице отразилась боль, и она сразу пожалела, что задала этот вопрос.

– Они умерли, когда я был совсем маленьким. Хотя у меня сохранилось о них много замечательных воспоминаний. Но ты не ответила на вопрос о своем имени.

– И не отвечу.

– Ой, да брось ты. Теперь мне еще больше хочется его узнать. Как тебя все-таки зовут? Марджори? Маргарет? Мэриголд?

– Я предпочла бы оставить эту тему.

– Знаешь что? Я назову тебе свое второе имя. Поверь, твое просто не может быть хуже моего. Я нигде и никому его не называл, если не считать налоговой службы.

Она прикусила губу и снова помедлила с ответом.

– Мое полное имя – Магдалания.

Он рассмеялся, и она выстрелила в него уничтожающим взглядом.

– Я никогда прежде не слышал ничего подобного.

– Заткнись.

– Очень красивое имя.

– Заткнись.

– Хорошо, а теперь слушай мое полное имя, и посмотрим, сможешь ли ты удержаться от смеха. Меня зовут Маркус Аурелиус Уильямс.

Она попыталась сохранить невозмутимое выражение лица. Сжала губы и не давала уголкам рта подняться, но не удержалась и прыснула от смеха.

– Ну, что я тебе говорил? Хуже быть не может.

– Куда уж хуже, – выдавила Мэгги между приступами смеха.

Она посмотрела на его улыбающееся лицо и заглянула в необычного цвета глаза. Никогда прежде она не чувствовала себя так в присутствии других людей, пусть и познакомились они при самых неблагоприятных обстоятельствах.

Она въехала на подъездную дорожку у дома Морин Хилл и заглушила двигатель.

– Готов к встрече со своей ближайшей соседкой?

Глава 7

Маркус впервые видел вблизи белый двухэтажный дом Морин Хилл, но он почему-то показался ему смутно знакомым. Покопавшись в памяти, он не смог отыскать источник этого ощущения и подумал, что на протяжении своей жизни видел сотни точно таких же домов. Затем бросил взгляд на Мэгги. Заходящее солнце просвечивало сквозь ее белокурые волосы, обрамляя лицо сиянием и превращая ее в неземное существо, спустившееся на землю из царства света.

– Подожди секунду, – сказал он, когда она уже собиралась выйти из машины.

– В чем дело?

– Наклонись, тебе что-то попало в волосы. – Он протянул руку и отвел от ее лица прядь отливавших золотом волос. Потом провел пальцем по ее щеке вниз, до подбородка, после чего мягко притянул ее к себе.

Их губы соприкоснулись. Поначалу Маркус сдерживал желание ее поцеловать, но оно с каждой секундой становилось все сильнее. Он положил ладонь ей на затылок и почувствовал, как ее руки скользнули по его груди. Он не понимал, стало ли вдруг в машине так тепло от летнего солнца, светившего в окна, или это ее прикосновение растопило его изнутри.

Еще через мгновение они отстранились друг от друга, и Мэгги спросила:

– На самом деле в моих волосах ничего не было, верно?

– Боюсь, что нет, – ответил он шепотом.

– Ты используешь эту маленькую хитрость со всеми леди?

– Уже давно не использовал.

Она улыбнулась.

– Я рада, что ты вспомнил этот прием. – Затем откашлялась и сказала: – Морин, возможно, наблюдает за нами из окна, как за персонажами одного из ее обожаемых любовных романов, вдруг сошедшими со страниц.

Он усмехнулся.

– Наверное, будет лучше, если ты все же представишь меня ей. Хотя не думаю, что смогу соответствовать образу героя романтического повествования.

Она потрепала его по плечу.

– Немного поупражняешься, и все будет в порядке.

Они вышли из автомобиля и поднялись по ступенькам к главному входу. Он знал, что Морин жила одна после смерти мужа, но время от времени ее навещали дети и внуки. Мэгги описала ее как добрейшей души женщину, которая, если вы вдруг заболели или у вас просто выдался плохой день, всегда старалась угостить вас чем-то вкусным, чтобы вы снова улыбались и забыли о неприятностях.

Мэгги нажала на кнопку звонка. Они немного подождали, но никто не вышел, чтобы встретить их. Она нажала на кнопку еще раз. Ответа не последовало.

– Странно.

– Что именно?

– Она очень редко выходит из дома. Даже чтобы встретиться с внуками – это они приезжают к ней.

– Быть может, она отправилась за продуктами?

Мэгги покачала головой.

– Она платит одному мальчишке из города, и тот привозит ей все необходимое. К тому же я ее предупредила, что мы можем к ней сегодня навестись, и она не сказала, что ей нужно будет уйти.

Маркус заметил, как в ее глаза мелькнул страх. Он понимал, что все дело могло быть в его собственной паранойе, но невольно подумал об Акермане. Он постучал, но тоже не добился результата. Затем протянул руку и взялся за дверную ручку. Повернул ее, и дверь под действием собственной тяжести подалась внутрь.

– Эй, есть кто-нибудь? – громко сказала Мэгги, но не получила ответа.

– Хорошо, тогда мы поступим следующим образом. Ты сядешь в машину и отъедешь на середину улицы. Там ты увидишь любого, откуда бы он ни приблизился. Заблокируй двери и будь очень внимательна. Я осмотрю дом. Скорее всего, она задремала наверху или что-то в этом роде, но лучше убедиться, чем потом сожалеть. Если я не вернусь через пять минут или если ты заметишь что-то странное, сразу уезжай. И по дороге позвони отцу.

– Почему бы нам не позвонить ему прямо сейчас?

– Послушай. Может, я веду себя как глупый мачо, но я не собираюсь звонить копам из-за того, что кто-то не открывает в дверь. Я все проверю, и если там что-то не так, будем действовать соответственно.

– Да, но что, если...

– Я смогу позаботиться о себе.

– Если что-то не так, тебе понадобится подмога.

– Ты права, понадобится. Именно поэтому ты и должна быть готова позвонить отцу.

Она глубоко вздохнула.

– Будь осторожен.

Маркус проводил ее до машины, вернулся к дому, перешагнул через порог и оказался в прихожей. Он огляделся и невольно отметил безупречную чистоту паркетного пола, даже у самого входа. На полу не было ни комочка грязи, ни пылинки. Он посмотрел на свои ботинки – на подошвы налип слой грязи. Он прислушался. Внутри царил пугающая тишина, как в черной дыре, готовой поглотить вселенную. Двухэтажный фермерский дом, который всего несколько минут назад казался наполненным счастьем, местом, где на заднем дворе играли внуки, а на подоконнике остывали только что испеченные яблочные пироги, теперь являл собой темное вместилище зловещих тайн.

Голос в глубине его сознания подсказывал, что его ожидает нечто ужасное, но другой, более громкий внутренний голос упорно заставлял двигаться дальше. В этот момент ему уже хотелось, чтобы кто-то другой раскрыл спрятанные в доме секреты, но рассчитывать на это не приходилось. Возможно, здесь кого-то постигло несчастье, и он должен сделать все, что в его силах, чтобы помочь. Он подумал, насколько проще была бы его жизнь, если бы он просто повернулся и ушел.

– Эй, есть здесь кто-нибудь?

Ни звука в ответ.

Он позвал снова, на этот раз намного громче:

– ЭЙ! ЕСТЬ КТО-НИБУДЬ ДОМА?

Тишина.

Двухэтажный дом был белым с черными ставнями, половину его периметра занимала терраса. Сразу за прихожей располагалась просторная гостиная с большим окном, украшенным витражом. Вдоль стен протянулись старинные витрины, на полках которых стояли антикварные вещицы из керамики и стекла. Частично видимая отсюда лестница находилась слева, а справа с гостиной соединялась открытая столовая, образуя вместе с ней букву L. Он прошел в столовую и заметил стопку почтовых конвертов, половина из них была уже вскрыта, другая половина осталась непрочитанной. Оглянувшись на лестницу, он решил осмотреть второй этаж и бесшумно поднялся по твердым ступеням.

Распахнутая дверь ванной комнаты находилась слева. Занавеска в душе была отдернута, и ему не пришлось отводить ее в сторону и молиться, чтобы за ней никто не обнаружился.

Закрытая дверь поджидала его в самом конце коридора, в который выходили еще две двери. Пока его глаза не привыкли к тусклому освещению коридора, темное дерево двери, казалось, шевелилось и пульсировало, как червяки в открытой могиле.

Маркус прокрался вперед, держась вплотную к правой стене и сжав кулаки – свое единственное оружие. Если бы в этот момент его собственная мать вышла из одной из комнат, то оказалась бы распластанной на полу лицом вверх.

Дверь слева от него была закрыта, а дверь комнаты справа открыта. Луч солнечного света падал через проем, отбрасывая странные тени на стену. Он осторожно заглянул в комнату и, не заметив никакой непосредственной опасности, вошел внутрь. Здесь стояли велосипедный и гребной тренажеры, небольшой телевизор и еще какие-то приспособления неизвестного назначения. Все покрывал толстый слой пыли. Он понял, что тень на стене в коридоре отбрасывало дерево, росшее прямо за окном. Маркус проверил стенной шкаф, а затем переключил внимание на первую из двух закрытых дверей. Повернул ручку и толкнул дверь. Отошел в сторону и проверил, какую часть комнаты мог увидеть из коридора. Постель была тщательно застелена, ее поверхность покрывали декоративные подушечки. Целая кипа плюшевых животных от розового слона до забавных обезьянок занимала один из углов. Над плюшевым зоопарком располагалась полка, заполненная коллекционными куклами. Он тщательно осмотрел комнату, но не обнаружил ничего подозрительного.

Осталась всего одна спальня...

Может, на меня так действует сила моего воображения? Сегодня утром я почувствовал чье-то присутствие, но ощущение оказалось ложным. А теперь я здесь гонюсь за тенями. Вероятно, я теряю... Он остановился как вкопанный. Сомнения и склонность выдавать желаемое за действительное отступили за границы реальности.

Ручка следующей двери была покрыта кровью.

* * *

Сердце Маркуса бешено колотилось, кровь пульсировала в венах. Он взялся за дверную ручку, но потом заколебался. Снова у него на руках чья-то кровь. Наконец он повернул ручку и легким движением толкнул дверь внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.